

20 ИСТОРИЙ

20 ЖИЗНЕЙ

«Старость в радость» – это благотворительный фонд помощи пожилым людям и инвалидам, живущим в домах престарелых и сельских больницах. Сейчас наша деятельность охватывает более 80 таких учреждений в Архангельской, Брянской, Калужской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Новосибирской, Омской, Псковской, Свердловской, Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской областях, в республике Мордовии.

Мы хотим, чтобы пожилые люди, оставшиеся без родных и лишенные возможности жить в собственном доме, не чувствовали себя одинокими и брошенными, чтобы в их мире, ограниченном стенами больниц и домов престарелых, было больше любви и радости, песен, подарков, общения. Если Вы хотите помочь пожилым людям, живущим в домах престарелых и сельских больницах, мы ждем вас на нашем сайте: ***starikam.ru***.

Бабушки и дедушки охотно рассказывают о себе. Для них очень важно знать, что их жизнь не прошла впустую, что нам будут интересны их истории. Перед Вами 20 рассказов, которые мы успели записать к настоящему времени. В дальнейшем мы надеемся значительно увеличить число таких историй. О своей жизни рассказали бабушки из домов престарелых и сельских больниц Архангельской, Брянской, Калужской, Нижегородской и Тульской областей.

При подготовке текстов к печати мы старались сохранить особенности речи рассказчиц, чтобы, читая, Вы могли представить, что истории обращены непосредственно к Вам, могли услышать голоса этих людей.

Перед Вами не просто 20 историй – 20 жизней. Надеемся, что они будут интересны Вам.

Лыкова Фаина Ивановна

Я родилась в городе Тюмени.
В Сибири в 1922 году.

Я родителей, честно говоря, плохо помню. Отец у меня был конюхом. А мать... Отдала она меня в няньки восьмилетней! А сама уехала, куда – не знаю. Вот так. Нас 8 девок было и один брат. Брата я помню плохо. Мне старшая сестра рассказывала: поехали мои отец и брат, где-то накосили сена. Отец едет впереди, а сын-то сзади. И у него воз перевалился. И брата завалило сеном. Пока отец сено разбросал – задохнулся брат под сеном. Похоронили его.

Волки приходили к нам. Заместо собачки волчонок маленький был: дети куда-то бегали и волчонок принесли – выкормили. А потом верблюжоночка маленького (Фаина Ивановна имеет в виду, скорее всего, медведя, но называет его верблюжонком) из лесу на руках принесли. Тоже выкормили. Вот. И его в цирк отдали. Первое время мы все ходили – так он к нам прям через ряды бежал. Нас даже директор просил: «Вы не ходите в цирк, а то он из-за вас не работает». А дадут верблюжонку платочек – ходит на задних лапках, а передними платочком машет.

Жизнь мы хорошую прожили. У хозяина был сын, красивый мужчина. Он пригласил меня в свою комнату – я уже взрослая была, мне 18 лет было. Вот. Снимает он с меня фартук: «Хватит бегать, тарелки мыть! Выходи за меня замуж!» И вышла я. Вместе 6 лет прожили, а на седьмой он себе рыбачку нашел: рыбу ходил ловить и там как-то познакомился. Я его вместе с рыбачкой и выгнала. Ну, я двоих детей нажила. Обоих и похоронила. А внучок Славик – второго сына ребенок – он до сих пор приезжает и все говорит: «Поедем ко мне!». Я говорю: «Да нет, сынок! Выращивай своих детей. Приедешь ко мне в месяц раз – на этом, сынок, спасибо!» Вот и все, внучок не забывает меня!

А внучок Славик до сих пор приезжает ко мне и все говорит: «Поедем ко мне!» Я говорю: «Да нет, сынок! Выращивай своих детей. Приедешь ко мне в месяц раз – на этом, сынок, спасибо!»

Даньшина Мария Ивановна

Родилась я в Тульской области,
в селе Каменском в 1929 году.

Восемь человек детей было у моих родителей. Я была средней. У меня родные все пели. Крестная тетя, две двоюродные сестры и мама – все у меня хорошо пели, поэтому я все старинные песни знала. Ну, папа работал в совхозе: за конями ходил, старшим конюхом был. А мамка не работала – 8 детей было, дак. Дети постепенно умирали. Девочка умерла в три годика – у нее скарлатина была. И другая сестренка умерла в 13 лет. Старший брат на фронте погиб – война есть война. Один брат живой у меня остался, 80 лет ему.

С 15 лет я работать начала – разнорабочей. И в поле посылали, и кладовщиком работала.

Войну пережили – видели все. Особо голода не было, но с едой были перебои. Помню, картошку ходили в поле мерзлую копали, вальком оббивали и ели.

Немцы недалеко от нас стояли, километров за 15. Когда отступали, они сжигали все и убегали.

День Победы 9-го мая был, а 20-го погиб мой брат Саша. Он все время писал, что под Берлином самая была мясорубка. В каждой семье сколько погибали людей! Сноха моя (жена брата Саши) больше замуж не вышла, хотя сватались там за нее. Она говорила: «Себе мужа найду, а отца не найдешь детям».

С мужем я на свадьбе одной познакомилась – он гулял с товарищем. Муж хороший был, только детей не было у меня. Жили очень дружно. Он ни разу меня дурочкой не назвал даже. Он москвич был, культурный. Он меня старше был, на заводе вертолетов по слесарной части работал. А потом я осталась одна. Вот так случилось – не так, как хочется, в жизни бывает. Осталась одна. Ну ничего, доживать надо.

У моего брата жена умерла, он мне пишет: «Если б Настя была (жена брата), мы б тебя забрали к себе». А я ему отвечаю: «Все равно я б к вам не поехала – обузой быть не хочу». Доживать сейчас можно – осталось немножко. Питание у нас неплохое, чистота есть тоже (в доме престарелых). А дома если одна, ходить не можешь, что делать? Ко мне ходит племянница, навещает. Так что я вот в доме-интернате живу. Так уж сложилось, как говорится. Судьба, она... У нее нет запасных дверей.

Вот так случилось – не так, как хочется, в жизни бывает. Осталась одна. Ну ничего, доживать надо.

Редькина Глафира Александровна

Я – 1930 года рождения. Старуха я теперь.
Всю жизнь прожила в Котласе – больше нигде не была.

Другие девочки выходили замуж, уезжали от родных. А мне мама говорила: «Я уж Граню никуда отсюда не пущу, буду с ней жить». Мама надеялась на меня, а я добрая – я и осталась.

Я тебе расскажу про своё детство. У нас захолустная была деревня, сейчас давно ее нет. Семья большая – семеро детей у мамы было. У нас отец добрый, никогда не разрешал аборт делать, чтоб ребенка убить. Он говорил: «Это позор. Сколько будет – все пусть рожаются. Я в детский дом никого не отдам».

Первая у нас была сестра Руфа, а потом Августа, вот я третья – Глафира. Потом Фаина четвертая, Васька брат, Колька брат. Еще не всех я сосчитала. И в голодное время мы выжили: работали в деревне как ломовые лошади, чтоб прожить, семью прокормить. Ни один из семи не умер с голоду. Мама у нас очень была сильная. Я все Бога благодарю, что с нами была такая мать сильная, а так бы нам не выжить. Ой, да все не расскажешь. Очень далеко, километров наверное за 200, мама ездила, чтоб выменять муки или зерна и привезти, чтобы хоть день-два нам продержаться. Она уедет, а коров-то надо кормить – все вместе кормим коров, пока она приедет. Мы дружно жили. И выжили.

Руфа старшая была, нам всем помогала. Она работала и на сплаве, и в лесу, и в командировках всяких – везде гоняли ее. Так она все, что заработает, делила на всех нас. Мы ждем как Бога ее: «Ой, сегодня Руфа приедет, хлебушка кусочек принесет!» Ей пуще досталось, чем нам. Я не знаю, как она, где сейчас. Не съездишь – далеко Котлас.

У нас отец был грамотный, сначала председателем колхоза работал. А война началась – забрали его. Отец с войны не вернулся. В общем, я как сейчас помню: воскресенье было, праздник какой-то. Бегу, смотрю: все режут-режут. Народ причитает, даже катается на улице по земле – объявили войну. Всех подчистую взяли на фронт, осталось у нас в деревне два убогих старика, которых не забрали в армию: один без руки, а другой без ноги.

Что ты! Всю войну помню. Ой, страшно вспоминать. Такая семья большая, а надо ведь как-то жить. Мама говорила: «Не хотите умирать – помогайте». Мы день и ночь, считай, работали. Своего скота держали: корову, телят, поросят – кормим, поим их. И молоко у нас, и мясо было. И прожили войну. Ни один ребенок у нас не умер. У нас мать была сильная.

Ходили на посиделки, хоть и голодные, никакие – все равно собирались: молодые, так надо повеселиться. У нас клуб был большой. Приходили парни и девки, плясали, гармошка играла, собирались и пели: надо как-то объясниться парню – так мы частушки пели, вот такие помню:

*Песни петь я не училась,
Я и в школе не была,
Видно ты, родима маменька,
Веселой родила.*

*Отказала, отказала,
Отказала, кажется.
Неужели он, бессовестный,
Еще привяжется?*

**Руфа старшая была,
нам всем помогала. Мы
ждем как Бога ее: «Ой,
сегодня Руфа приедет,
хлебушка кусочек при-
несет!»**

*Были у нас дроли,
Были, да уехали.
Они звали нас с собой –
Мы, дуры, не поехали.*

Весело было! А теперь у нас и деревни там нет: все ликвидировали, и дома-то не найдешь. Старые все умерли, а молодежь там не живет – в города уехала. Все исчезает.

Замуж я вышла в 18 лет. Муж у меня хороший был, я его еще с детства знала. Мы с ним дружно жили. Свадьба хорошая была. Потом я родила ребеночка и воспитывала этого сынишку, ему посвящала жизнь. Все прошло. Муж молодым умер: он что-то чинил на железной дороге – а темно было ночью, весной, он и не заметил поезд – его сбило. Так я потом одна всю жизнь и прожила, все одна сына воспитывала.

Вот был у меня один сынок, да и тот не выжил. Молодым совсем умер. Моего сына перерос мой внук. Так тоже его уж нет. Остался у меня правнук – Игорек. Много ему годов – у Игорька уж свои дети. Сыну Игорька 7 лет. Он теперь в школу пошел, говорит мне: «Бабушка, ведь я большой вырос!»

Было много всего, дочка. И переживаний мне много выпало, ох, много – но выжила я все равно. Только вот не знаю: сколько еще жить-то?

**Было много всего,
дочка. И переживаний
мне много выпало, ох,
много – но выжила я
все равно. Только вот
не знаю: сколько еще
жить-то?**

Пинякина Екатерина Алексеевна

Я родилась в Лазарево в 1924 году.

Авообще жили мы в Ясной Поляне. Там и училась, там и немцы нас захватили. Да, война-то когда была, захватили нас, дармоеды! Папа на фронте погиб. А мама умерла рано. Мы когда хоронили маму, на нас вся Ясная Поляна плакала: дети остались один одного меньше! Тяжкую жизнь я прожила. Мы остались – семь человек без отца, без матери, без никого! Я братиков выхаживала. Тринадцать лет мне было – сама ребенок. Начальник станции был хороший очень, помог трех в детдом отправить. Они так и ездили ко мне на каникулы. Ну и выучились: один летчиком стал, а два – переводчики. Все живые, только сестра у меня умерла.

В школе я училась очень хорошо! В Туле в техникуме потом училась, и началась война. Ну и техникум эвакуировали. А я не уехала, а устроилась на железную дорогу. Меня туда за ручку папа привел в контору. Устроили меня, а мне еще годов не хватало. Но пока каким-то расценщиком работала, а потом я быстро за все ухватилась, и так там и работала всю жизнь нормировщиком: зарплату начисляла, норму устанавливала. Работа есть работа, привыкла, все меня знали, помогали нашему трудному детству такому. Начальники были хорошие.

Немцы тут были, музей грабили. Толстовский-то, в Ясной Поляне. Напились раз немцы пьяные, начали там будоширить. А мама жива еще была, больная лежала. А мы девочки-подростки. Она нас в погреб посадила, накидала нам одежды – а то, говорит, они вас тут изуродуют всех. И я крупозное воспаление получила. И лежала в больнице. Вот так. Вот такая наша жизнь.

А ели – ну что, щавель. Ходили по лесу – грибочки собирали. Что-нибудь там сварим.

Ой, никогда не думала, что замуж выйду – кто меня возьмет, бедноту. Но пришел один – отслужил в армии и приехал к нам работать в Тулу. Мы были три девочки молоденькие, они там собирали вечер, а нас послали с баянистом договориться. Я пришла, а он сидит: такой видный мужчина-то, нарядный. Звали его Пинякин. «Пинякин, – говорю, – подвиньтесь, может?» А он говорит: «Возможно». Посидели, потом пошли по перрону прогулялись, а он пришел в контору и нашей начальнице говорит: «Вот ту девочку я у вас возьму». Она говорит: «Да ладно, спяну!» А он говорит: «Нет, я сказал, значит возьму!». Ну и вот так подружились с ним немножко. И он стал замуж приглашать. А я говорю: «А ребят-то у меня сколько!» – «Выходим! Была бы голова на плечах, выходим! Собирайся!» А я говорю: «У меня ничего нет. Пальто было железнодорожное, да и то украли из конторы! У меня ничего!» А он говорит: «О, совсем хорошо, иди легше!» Вот такой муж был необыкновенный! И я его в жизни не забуду никогда! 12 лет мы вместе прожили. Он поступил к нам на железную дорогу, у меня от матери дом остался, так он его под солому покрыл, досочек натаскал. Все стали нам завидовать: ой, женщину взял – чистота, порядок в доме. И ребятки на летние каникулы к нам приезжают. И вроде все у нас плохо было, а получились все хорошие!

Сын у нас был. Он моряком, во флоте служил. В Эстонии. Там он заболел и умер. У сына и дочка, и жена есть. Они ко мне ездят, не забывают.

Ноги вот у меня не ходят. Братишки все, конечно, приезжают. Недавно был летчик в гостях. Они в годах уже тоже. Он меня к себе все звал. Я говорю: «Нет, Леня, не поеду! Ты уже старенький, две операции перенес. Жена тоже болеет. В обузу никому не поеду, буду тут (в доме престарелых) жить. Надо вам – приедете ко мне». Вот так.

А я говорю: «У меня ничего нет». А он говорит: «О, совсем хорошо, иди легше!» Вот такой муж был необыкновенный! И я его в жизни не забуду никогда!

Коваль Зинаида Яковлевна

Я с 1924 года, это, значит, Ленин умер, а я родилась.

Жила я на Украине, в Днепропетровской области. Жили семьей примерно мы. Семь человек семья: батька, мать, три брата и две сестры. У нас был такой порядок: батька забирал сыновей на работу – то ли сено косить, то ли пахать, – а мама с нами, девочками, в огороды. С детства мы были приучены к физическому труду. Была семинария при церкви. Учили там кожи чинить, печи класть.

Я до войны работала на швейной фабрике. В войну колхозом занималась, сельским хозяйством, скотиной занималась да картошку садила. После войны доски таскала, в пилоцехе. Не женская работа, а женщины бревна таскали наравне с мужиками. Надо было все восстановить. Вот так и прожили. Хлеб выращивали.

В 1933 году была коллективизация. Организовали совхозы и колхозы. Стали люди работать, поля засевать, скот кормить, трудодни у них были. Коммуна была. Сначала как коммуна организовалась: в коммуне сварили суп – кто работал, садитесь кушать. Пошла производственность расти, тут на тебе – 41 год. Неожиданно война. Грохнула наша страна. Горело все. Поля горели, все разунничтожалось. Это ужас. Эвакуировали людей, военная техника была очень низкая. У немцев была моторизованная техника – самоходки, мотоциклы, минометы. Снаряд, чтоб подбивать танки. Шарахнет – и нет танка. Вот, доченька, что я знаю. А больше ничего не знаю. Пришлось нам отступать, людей эвакуировать. Немцы захватили наши аэродромы. Они своих летчиков быстро перекалифицировали, посадили в наши самолеты. Летит наш самолет, думаем – ну что? Грохот – и двух мостов как не было. Отступали. А потом – хватит отступать. Стали хозяевами нашей Родины. Сталин приказал – Сталинград как грохнули 25 декабря 1942 года – а тут немцы... Они были окружены со всех сторон, им уже деваться некуда. Ну и дальше пошло: на Урале Катюшу создали. И вот немцев и поперли. И Берлин захватили. Прошли Польшу, и Германию, и Пруссию. И победу наша Родина одержала. Вот вам вся Отечественная война.

Немцев заставили восстановить мосты, вокзалы, все дома, а потом их в баню сводили, в эшелоны и в Германию – поезжайте на родину. А которых и расстреляли.

Теперь нечего вспоминать. Как будто и победы не было. Где наши войска? В Берлине были. А теперь где? Что мы будем про победу говорить? Америка, Англия, Франция – как будто они одни победили. Наших нет, что там говорить. Вы, молодежь, странная какая-то. Разве можно так? Почему свою историю не знаете? Вас победа не интересует. Что погибли люди, что собака погибла – вам все равно.

Раньше-то жили – почитали и старых, и молодых. А теперь... Где вы видели, чтобы мать, отец – не родня? Чтобы их в дом престарелых сдать?

**Где вы видели, чтобы
мать, отец – не родня?
Чтобы их в дом престарелых
сдать?**

Колесникова Анна Павловна

Я так в 21-м году родилась,
а тогда еще не было паспортов-то.

Нас было у мамы 7 человек детей. Три у меня сестры было, братьев три, а сейчас я вот одна осталась. Родители мои хорошие были. Папа потом уже, в войну погиб. С войны пришла повестка – мы все плакали, невозможно... У мамы семь человек нас осталось, побирались ходили. Плохо я тогда жила, и сейчас плохо.

В няньки ходили, детей нянчили – помню, мне десять лет было. Кто богатый был – нам работу давали. Десять лет мне было – я от голоду худая была. Бывало, подниму я ребенка, а он тяжелый. Ага, сколько раз его роняла, сколько раз падала с ним.

А еще нас забрали как-то: про маму сказали, что она Богу молится, и маму забрали. И нас с ней. Идем все, а на нас ругаются. Эта... организация такая... Нас туда забрали. Плакали мы да кричали! Нам есть не давали там всем! Недолго мы там были: один молодой человек нас спас. «Сколько детей у нее, а вы, – говорит, – издеваетесь над ними. Отпустите их!» И отпустили нас. Пришли мы домой.

Помню, как нас вербовали на работу. Я так в 21-м году родилась, а тогда еще не было паспортов-то. Но вербовщик меня не брал – молодая я еще была, и вот мама ему сказала: «Припиши три года». И три года мне приписали: было мне 15 лет, а вербовщик приписал, что 18 – а то не берут на стройку. И в Москву поехала. Три года там работала. Я на носилках кирпичи таскала на стройке. И мы несем, а у меня рученьки были слабенькие: упадут они у меня, упадут, и я со стройки падала. Раньше леса делали – вот на второй этаж я залезала – и упала. Два месяца лежала в больнице.

И нигде мы не отдыхали. До зари, до зари работали. Посылала домой, что могла – маме, ребятам. Мама, бывало, получит от меня – купит чего-нибудь поесть и детям делила. А я голодная была. Приду к Москве-реке – там конятник, это вот листья растут, они кислые, – и ела их. Ну, потом набрала немножечко деньжонок – и маме кофту купила и юбку. И ребятам маленьким по рубашке – и поехала домой.

Как у нас узнали, что война началась? Папа у нас был, и все, и бабушка – чегой-то мы делали, ковырялись в земле, пололи. И слышим: народ едут, верхом все – война началась. Потом мама заплакала, а папа работал в поле – сеял. И оттудова он едет и говорит маме: «Эх, Даша, война ведь началась. Меня заберут, а ты с ребятами останешься». Скрывался, прятался, чтоб не взяли – ведь как такую семью оставить: и детей, и мать, и сестра еще – вон сколько нас! В прудах папа прятался, на ветках – чтоб не заметили. Искали его, и у родных искали даже – все равно его взяли...

Помню, война. Ой, немцы нас били, колотили. Немцы – люди просто, только разговор не такой. Но раз война – они над нами издеваются. Били. Немцы плохие, они издевались, ужасно как! Хлебушко попросишь у них – они не дают. Скотину всю немцы порезали. Жрать-то им нечего – даже лошадей резали. И мы ели: когда они все уже пожрут, останется кой-чего там – мы собирали и нам мама варила. Голодовали мы очень, плакали, ходили картошку собирали по полю, гнилую, и вот ее ели: растолчем кое-как. Разутыми ходили. Вот как.

Во время войны идем мы как-то, а тут валяются убитые: кровь, убитые, а мы через их шагаем. И на немцев напали. Они нам сказали: «Куда идете?» Ну, мы говорим, что хоронить сестру идем. А он нам: «Ну идите», – хороший немец попался. «Идите, не останавливайтесь!» И весь овраг полный, весь овраг: солдаты,

**Потом мама заплакала,
а папа работал в поле –
сеял. И оттудова он
едет и говорит маме:
«Эх, Даша, война ведь
началась. Меня заберут,
а ты с ребятами оста-
нешься».**

солдаты все валялись. Ребята-то, солдаты наши. Они разуты, раздеты лежат. Некоторые живые, некоторые мертвые. Кто в крови валяется, кричит, кто уже не дышит, кто уже умер! Да, мы нагладе-е-елись!

Идем мы, одежда на нас вся оборватая, а сестра у меня, вот помладше, видит: у немцев машина стоит разбитая, а на ней материал – ну, чехол такой. Она глядела, глядела – никого нет. А мы все босые, оборватые. Ну, она взяла и оборвала этот материал. И немцы выстрелили. А она умная была – упала и не дышала. А они и не попали в нее. Ну, немцы убегли – она встала! Кофту себе, юбку потом сделала. Только испугалась, после болела. Ведь вот так, вот так все: испуг, испуг, испуг... Война... Плохо, очень плохо войну пережили.

Потом наши немцев победили и выгнали.

А после войны тоже плохо мы жили. Там был один мужчина, и вот когда картошку привозили, он ее охранял. А мама караулила – может, дадут чего, ведь мы все голодные. Этот мужчина даст маме сколь-нибудь и говорит: «Давай с тобой жить». Она и отвечает: «Я мужа потеряла на войне, а Вы мне такие глупости говорите». Да, мама приходила домой и плакала. Все было, все было, все было. И мама оттуда ушла, и с нами вместе картошку гнилую собирала. Или бывало, соберем желуди. Мама и бабушка истолкут в ступке желуди в муку – ели их. А носили – вот немцы понабросали старье – ну, платье там или рубаха – переделывали мы и носили.

Как я стала взрослая, с одним военным поженюсь. А он запил, пьяница был, меня бил. И мы с ним разошлись. Ребенок у меня от него был. И еще я замуж выходила: тот с войны раненый пришел. Я за ним ухаживала все, а он умер. Вот так-то моя жизнь и прошла.

А вот я упала и разбила ногу – в больнице лежала. Скоро год будет, как нога у меня не заживает никак. И вот меня сюдапривезли (в дом престарелых).

Некоторые вот сейчас хорошо живут. А некоторые вот всю жизнь в бедноте. Я бедная. Бедная. Бедная, всю жизнь бедная.

Некоторые вот сейчас хорошо живут. А некоторые вот всю жизнь в бедноте. Я бедная. Бедная, всю жизнь бедная.

Титонина Лидия Михайловна

Я с 28 года рождения, 83 года мне.
Я из Горьковской области.

Деревня наша – Покров-Майдан, Воротынский район. Нас в семье 6 человек было. Все померли, одна я осталась. Мать, отец до 80 дожили. У нас в деревне плохо сейчас: одни старушки, молодёжи нету. Сейчас так везде. Старушки доживают своё, да и помирают. Всё рушится, молодёжи нет. Жизнь теперь другая повернулась. Совсем всё по-другому.

У меня награда за войну есть и корочки ветерана войны. Когда война была, мне было 12 лет, и мы стали по полям пахать, вместо мужиков фронт кормить. Мать с отцом уже старенькие были, они не могли уже работать, а мы, подростки, вместо мужиков пахали, урожай собирали, посадку сдавали, фронт кормили. Сами голодовали, конечно, – вот так и прожили. Я всю войну проработала, поэтому наградили. По полям работали, с утра до утра, до вечера работали, чуть ноги притащишь – как же, походи-ка по полям.

Я после войны всем работала. И на стройке работала. Я сейчас могу и пощекотурить, и плитку сложить, и печку сложить. Ну, последнее время была в ресторане – кухонной. Работу я всю знаю, тяжёлую и грязную. Мы дома строили, элеваторы. Была я мотористкой даже – бетон мешала. Там бетономешалка – всякого не поставишь-то, кто работу не понимает. Надо смешать такой раствор, чтобы он насыщенный был. Вот у меня уж брака не было, я на этот счёт внимательная. А у некоторых было.

Какое там гулянье, намучаешься за день – еле до постели! Какое гулянье – не видали детства! Ну а после войны я в 47-м вышла замуж. Да, рано, в 19 лет. Нет, не до посиделок было, конечно. Ну, потом пошла своя семья, вот так жизнь и прошла – в труде всё.

А вот как я с мужем познакомилась: пришёл он с войны инвалид, на улице встретились. А раньше как: только познакомились – сразу иди в ЗАГС жениться. Раньше так было. Да и не мог он за мной ухаживать – он же инвалид первой группы. У него покривлённый позвоночник, деформация грудной клетки – он тяжелое не мог поднять, по мелочи помогал. Там, яблоки пересортировать... Ему досталось сильно, но он не пил. Тощенькой был голуб. Дак он мне всё спасибо говорил. «Я ради тебя, – говорит, – только и живу, – давно бы помер». А свадьбу никак вообще не справляли, потому что 47-й год был голодный. Зато Золотую свадьбу нам сыграли хорошо: дети, внуки – все приехали. 59 лет мы с ним прожили, маленько ещё – год – не прожили до 60. Муж умер, 83 ему было.

Трое у нас детей с мужем, все мальчики. Вот девочку-то нам хотелось, да не было. Как мы всё успевали? Да у меня дети помогали. У меня сыновья не как нынешняя молодёжь бегают. Я вырастила детей непьющими и некурящими. И мамы мы держали дома. Сейчас-то мам не держат. А ведь мы раньше-то маму-то не выкидывали в такие-то дома! Ни стариков, ни матерей никто ведь не девал раньше никуда – это сейчас уж мода такая пошла: как старуха, так нам и мешает. Вот так, миленькая моя.

Я как заклятая – все в работе была. Я по гулянкам не очень-то – некогда мне было ходить. Только труды, труды, труды – больше ничего. Надо троих детей учить, в школу собрать. Ну а кто же, милая, их будет нянчить? Раз народили, значит, надо мыть, кормить, одевать. Я и в церкву не ходила, потому что мне было некогда: надо к скотине, надо детей упредить, надо посмотреть, что у них расхуилось – какая тут церква? Некогда, некогда было. Сам-инвалид (муж), мать-старушка, трое детей, сама шестая. Много мне надо весельства? Я тут в работе

А ведь мы раньше-то маму-то не выкидывали в такие-то дома! Ни стариков, ни матерей никто ведь не девал раньше никуда – это сейчас уж мода такая пошла: как старуха, так нам и мешает.

тону: всех надо обеспечить – я ведь не сдала никого в детдом! Другие в детдом сдавали, кто и в роддоме оставлял. Как же, детей не надо никуда девать, как бы вы ни жили, как бы плохо человеку ни жилось.

Кем я ещё работала? Я даже комендантом была. Вот у меня мужик-то мастером лесозаготовок учился, в Йошкар-Олу ездили – его посылали туда. И вот он в лесах – мастер лесозаготовок. А меня там поставили даже комендантом: туда же народ всякий едет, в вагончиках живут – им надо постели выдать, надо прописать. Потом в район съездить. Их только пропишешь, а они то пропьются, то ещё что-нибудь – надо ехать выписывать. Вот такая тряхомудия.

Очень тяжело было, очень. Вот тогда и стали все из деревеньки убегать... Налоги непосильные были: надо масло сдать, молоко, яйца, шерсть, налог на мясо – ну вообще задушили! При Маленкове полегче стало маленечко. А одёжито – детям в магазине труса, чулка не было купить! Пряли кое-чего, из ваты – свяжут, да и ходят. Плохо народ жил, плохо, что тут говорить. Налоги в район сдавали – 12 километров, всё возили и носили на себе. Не было ведь автобусов. Нельзя не сдать – все должны послушные закону быть: какой закон, по такому закону и живи. Налог на бездетность – обязательно. Если после 18 нет детей, то уже облагается налог. Вот зря это делали. Вот какие дурные законы-то были, правда? Вот сейчас говорят: «Ой, как нам плохо!» Как плохо – посмотришь: что уборщица, что директор – все в мехах ходят, и не различишь. Все собраны, как на праздник в церкву раньше не ходили. И все кричат, что плохо живут. Они, вот как мы, горя не видали такого, а им и это плохо...

Вот помер муж – меня сюда и привезли. А у меня ноги уже отнялись, отработала я их. Мне было 37 лет – у меня ноги отключились. Я ещё чуть-чуть ползала – лет 6 на палочке сначала, потом уж и палочка не помогает, потом и в коляску. Вот и страдаю полвека. Обуть-то было нечего, придёшь с работы – ноги красные как у гуся – так это ведь всё откладывается. Если бы не ноги, я бы из дома-то своего и не поехала бы никуда, так бы жила и жила бы в своё удовольствие. А так что – без ног-то мне ни ведра не вынести, ничего. Вот сюда и привезли. Гулять я не выхожу – мне с лесенки не спуститься.

Один сын в Няндоме, ему уже, милая, 60 лет. Один в Горьком. У всех семьи, внуки. Я и прабабушка – уже четыре раза прабабушка. Так вот жизнь и идёт. Письма они не пишут, только звонили мне по телефону. А что толку с того, что я скучаю? Если бы я нужна была, разве я здесь бы была? А раз я здесь, значит, я не нужна.

Другие в детдом детей сдавали, кто и в роддоме оставлял. Как же, детей не надо никуда девать, как бы вы ни жили, как бы плохо человеку ни жилось.

Полякова Нина Алексеевна

Родилась я в деревне, в Тульской области, в 1932 году.

Мама в колхозе работала, а папа умер рано: он водянкой болел. Я сама-то не помню – маленькая была, три года всего мне было. Мама мне рассказывала: «Отец твой лежит в гробу, а ты подошла и говоришь: «Вставай, что ты лежишь спишь? Вставай, вставай!» Я, – говорит мама, – смотрю, что ты будешь делать. А ты его поднимаешь, разбудить хочешь». Вот поди, что творила-то я: отца поднимала, а то спит долго.

Шестеро детей у мамы было. Бедно мы жили, плохо. Мама в колхозе работала, а мы были маленькими. Как стали подрастать, работы пошли в колхозе – посылали нас поливать чего-нибудь, сажать, огурцы там, помидоры.

Войну я помню: хорошего-то ничего не было. Немцы были, по домам ходили, отбирали курочек, поросят, гусей. В мешок сажали, на повозку – и уезжали на свою родину или куда там. Тут наши их стали отгонять, и немцы отступали, отступали. Они по деревне пробежали по домам – кой-чего забрать. Но у нас ничего не забрали: коза была одна – а козу не взяли.

Немцы заходили к нам в дом. Сидим мы кругом стола маленькие, а они смотрят. Немцы говорят маме: «Матка, а где пан?» – «Умер». – «А, ну хорошо: не на войне, не воюет против нас, а умер». И они ушли.

Кушали мы плохо: я ходила по баракам, побиралась – хлебушко кто подаст. С мешочком ходила. Зайду в барак, открою дверь, постучу: подайте кусочек хлебушка. Подают – отрежут от буханки кусочек. В мешочек положишь – и я пошла дальше. Вот как. Мешочек наберу, принесу домой-то – у меня мать провожала, а то у них собаки там, ой. Вот так я иду, а мешочек с хлебом они чувят – они голодные, собаки-то. Мешочек болтается сзади. А собака летит – и прям как за коленку ухватит! Кровь полилась. Мама разорвала платок, забинтовала – и я снова пошла по баракам ходить. Наберу мешочек хлеба кусочков – и домой идем. И вот по кусочку всем разделим там – вот поедим.

А одевались – кто-нибудь чего-нибудь даст, вот мать перешьет, там зашьет – и носили. А на чего купить, когда хлеба нету? Вот как жила, дочь, плохо! А сейчас вроде я богато живу, вот прям невозможно. Да тоже надоело. Надоедает все, дочка, надоедает.

Когда немцы ушли, вроде бы получше стало. Я сначала в колхозе работала, потом получила паспорт, и меня сестра старшая устроила на химкомбинат – на стройку разнорабочей. И она там работала. Так и кормились. Я много лет работала на комбинате: тачки возила, и носилки с кирпичами, и землю копала, и каменщиком работала – куда меня ни пошлют. Разнорабочая я – так ни от какой работы не откажешься. Я сама ростом с тачку, а мне надо одной тачку с раствором везти. И падала сколько раз – вот кошмар. Но жива осталась.

Жених у меня был. Он не из нашей деревни, к нам на велосипеде ездил – дружил с ребятами нашими деревенскими. И говорит одному: «Вот мне эта девка нравится,» – и показывает на меня. А тот ко мне подходит и говорит: «Нинух!» Я говорю: «Что?» А он говорит: «Ты вот этому малому нравишься». Я говорю: «Ну и что?» – «А он тебе нравится?» Я говорю: «Очень даже». Тут вечерки у нас были: гармонист играет, а мы пляшем, танцуем. Вот тот парень и подошел ко мне, пошел провожать. Стали встречаться. А потом он в армию ушел, два года отслужил. С армии пришел – опять ко мне подошел: жениться надо. Вот как! Вот вышла замуж за него. Хороший был малый, и рабочий был. Умер он.

Вот как жила, дочь, плохо! А сейчас вроде я богато живу, вот прям невозможно. Да тоже надоело. Надоедает все, дочка, надоедает.

Сын мой живет-то близко, а вот ведь его жена не пускает сюда ко мне (в дом престарелых): «Если поедешь, я тебя домой не пущу, будешь с собаками ночевать». Вот какая!

А у меня вот с ногами что-то случилось – уже два года я только лежу или сижу. Ноги не ходят. Господь отнял ноги – не хожу вот. Так я за всю жизнь и не выучилась – осталась неграмотная. Жизнь тяжелая была, да вот почти век прожила – восемьдесят лет. Что ж сделаешь-то? Время такое было.

***Жизнь тяжелая была,
да вот почти век про-
жила – восемьдесят
лет. Что ж сделаешь-
то? Время такое было.***

Балашова Мария Стефановна

Родилась я 22 февраля 1923 года
в деревне Обухово.

Мама и папа были крестьяне. Плохо мы жили, очень бедно. Отец всю жизнь выпивал – от горя. У меня сестра была и брат. Когда война началась, брату 10 годов было. Мне было 18, а сестре вот 16.

Как война началась, неделя, наверное, прошла, так у нас собрали всю молодежь и сказали: надо в Калугу ехать – за ранеными ухаживать. Ну, мы как были в одних платицах, так и пошли. Лето. И нам сказали копать рвы противотанковые. А мы в одном платье – ну что это? Не постираешь даже. Так что мы все овшивели и оборвались. Ну вот, работали. Потом немцы стали бомбить Ржев. А рожь была – убирать пора. Так самолеты в поле пулями попали – и сгорело все прямо на корню. У нас одна была интересная девка, как самолет летит, так она и кричит: «Девки, пойдемте вместе в кусты! Будем, – говорит, – помирать вместе!»

Но мы не померли. Помню, пришлось как-то от Ржева 60 километров пешком идти. А мы голодные, оборванные все. Начальник у нас был хороший, молодой – учитель по русскому языку, Иван Федорович. Он нам свою рубашку отдал. Мы говорим: «Иван Федорович, вы себе-то рубашку оставьте!» А он говорит: «Девушки, я вам отдам, нате! Я так побуду». Хороший был учитель. Вот так мы жили.

Потом привезли нас в Калугу, а бомбили ее, всю бомбили – все окна были заклеены бумагой крест-накрест. Ну вот, приехали мы, нам дали ситцу на платье и отпустили домой.

А как вернулись домой, так взяли нас опять на войну, в деревню Лосево. Мы приехали, а там дома все пустые стоят – жителей эвакуировали. Есть было нечего – мы кошек ходили собирали по деревне. Нас семь человек было из Обухово. Нас по домам расставили, и назавтра на работу. Ну и работали. Жили. Сперва плакали много. К нам матеря иногда приходили – приносили поесть. У самих еды уже не было, так хоть картошки приносили нам. Мне мама говорит как-то: «Мань, тяжело тебе, да ты не убегай. Все равно тебя дома не оставят – приедут ночью, так заберут опять на войну». А других девок, Курьевских, матеря увела с работ домой – девки все, ее дочки, так она их и увела. И что ты думаешь? Не так было просто все – им по пять месяцев дали тюрьмы за то, что они ушли. Эх, в тюрьму девок посадили. Да, вот так жили.

Там однажды такой бой был, близко совсем – вот как мы с тобой рядом сидим, друг друга слышим, так и мы бой слышали. Страшно было очень, мы не понимали ничего – нам же 18 было всего! Мы же кроме своей деревни до войны-то ничего и не видели! Только своих матерей с отцами до войны-то и знали.

Один раз мы спрятались: наша часть поехала дальше, а мы взяли буханку хлеба и в лесу остались. Темно там было, страшно. А на другой день из нашей части вернулись да и забрали нас с собой. Больше мы не трогались – не убегали.

Тяжелая была жизнь, но честнее честного была. Чтобы ребята матюгом ругались или девку какую обидели – такого не было никогда.

Ой, а на войне-то я везде была: и в Польше, и в Белоруссии, и в Германии.

В Польше мы стояли долго. У нас такая комната была плохая, холодная, а мы в ней шесть месяцев жили: нас, девок, семь, да хозяйская семья – пять человек. Они тоже эвакуированные были. И много нас было, да хорошо мы жили. Надька, хозяйская дочка, бывало, полы нам намочит. А мальчик, хозяйский сын, – три годика ему было – все, бывало, говорит: «Хочу девичьего супу! Хочу девичьего супу!» А мать его все ругалась на него: «Я тебе наварила – вот и ешь! А девкам самим есть нечего, не проси у них!» Ну, мы им все равно давали: большую такую чашку на-

**Страшно было очень,
мы не понимали
ничего – нам же 18
было всего! Мы же
кроме своей деревни
до войны-то ничего и
не видели! Только
своих матерей с от-
цами до войны-то и
знали.**

льем, с фасолью. И мальчик потом нас провожал, плакал: «Девки, может, поедете обратно – приезжайте! Я вас буду встречать!»

Приехали в Белоруссию. Ну, захотели есть – побёгли в огород, лук, картошку подрали. А нас хозяйка захватила – и к капитану. Ну, он нас собрал, поставил в ряд. Она говорит ему: «Товарищ капитан, ваши девчаты брали цибулю и бульбу». А мы ему: «Товарищ капитан, брешет она! Мы брали картошку и лук, а цибулю и бульбу мы не брали!» – «Идите, – говорит ей, – я с ними разберусь». Он хороший был, он не ругал нас.

Вот так и жили, так и жили. Сперва все плакали, а потом привыкли, плакать перестали. А что плакать? Дальше, все дальше проезжали, дальше. Бывало, письма домой – и то не хочешь писать: ой, завтра напишу, завтра!

Потом мы приехали в Германию. Ой, ой, тут даже плакали. В Германии капитан у нас был – пожилой мужик. Мы приехали в Германию, а там кадушки, знаешь, какие – как наша палата – здоровые. Капуста, наверное, была нарублена. Мы залезали на кадушку по лестнице, и с кадушки опускаться – тоже лестница. Мы туда и залезли. А капитан боялся, что мы отравимся – там травили. Вот он нам по ремню! «Вылезай оттуда, а то я вам! Что я буду с вами делать!»

Потом, когда война уж кончилась, нас увезли к Красноярску. Война кончилась девятого мая, а я домой приехала пятого ноября.

А мужа у меня не было. Кавалеры в деревне были, а на войне-то не было. Мы же солдат не видели близко: так, в другой раз придут на полчаса, если близко стояли, – так поиграем, посмеемся – и все. Никаких кавалеров не было. В Польше мы были – там ребята кой-какие, ну им-то уже нельзя – они в Польшу, как сейчас помню, Катюшу, оружие привезли. Катюши стоят накрытые, и мы пошли попросить ребят, чтоб показали нам Катюшу. Пошли, один стоит с винтовкой. Я говорю: «Верно, охраняет». А мы и говорим ему: «Покажите нам Катюшу!» – «Уходите, а то так вам покажу, что руки-ноги не соберете!» Ну, больше и не просили показать.

А еще как-то пошли мы на базар: мы в Германии еще тряпок набрали всяких, так ходили потом на базар, меняли их на картофель, капусту. И захотелось нам молока. Торговка и говорит нам: «С холодушкой или без холодушки?» Ну, мы говорим: «Так холодное-то лучше молоко». Ну и взяли молока-то у бабки, с холодушкой. Одна девка стала пить и кричит: «Девки, не пейте! Молоко-то с лягушкой!» А бабка и засмеялась, говорит нам: «Я же вас спрашивала: молоко-то вам дать с холодушкой или без?» А холодушка – это лягушка, оказалось. Мы больше этого молока пить и не стали.

Интересно так: помнишь все. Хоть плохо было, а все равно вспоминаешь.

А потом нам давали медали. Да, у меня много медалей. И еще дали такой красивый большой лист (грамоту) – он у меня цел. Это Сталин благодарил нас. И вот каждой давали по такому листу. Да, Сталин давал.

После войны приехали мы домой. Мне, наверное, 22 или 23 года было. Меня поставили кладовщиком. Десять лет я была кладовщиком, а потом меня взяли бригадиром полеводческой бригады. Пошла я как-то дежурить ночь – сколько было, я упала и сломала ногу, да так сильно, что мне вторую группу инвалидности дали. А потом и третью группу хотели дать, бессрочно. А я говорю: «Нет, нет, не давайте мне группу – я пойду работать!» А врач говорит: «Девка такая молодая – пушай, и правда, идет работать». И я потом с трактористами работала – зарплату им начисляла. С мужиками в тыщу раз работать легче, чем с бабами. Бабам хоть сколько начисли – они все равно брешут. А мужики такие были хорошие. Мне с ребятами было очень легко работать.

Пенсию я получала маленькую. А потом девки в конторе и говорят: «Мария Стефановна, давай мы тебе пенсию пересмотрим». Девки тоже хорошие! Ну, они меня уважали. Они ко мне даже приезжают сюда (в дом престарелых), навещают.

Ох, война, война! И помилуй Бог, и помилуй Бог! Вот я сейчас смотрю по телевизору, и, если про войну что показывают, – я знаешь как плачу! Не надо мне плакать, но слезы сами льются, как все равно из ручья! Вспоминаешь все, помилуй Бог, девочки, помилуй Бог! Как мы жили, как я-то выжила, ой... Не дай вам Бог такого, девочки!

Вот так и жили, так и жили. Сперва все плакали, а потом привыкли, плакать перестали. А что плакать? Дальше, все дальше проезжали, дальше.

Вот я сейчас смотрю по телевизору, и, если про войну что показывают, – я знаешь как плачу! Вспоминаешь все, помилуй Бог, девочки, помилуй Бог!

Молчанова Зинаида Тихоновна

Я с шестнадцатого года рождения.
Плесецкий район, деревня Тетерино.

Нас было много у мамы. Все умирали. Маленькие умирали, и большие умирали. Не знаю, какая болезнь была раньше? Недоедали или недопивали, что ли?

Худо было с хлебом в войну. И после войны тоже было плохо с хлебом. Ну что, все пережила. Осталась я живая, здоровая. Слава тебе, Господи!

Училась в Архангельске: на мастера леса, на десятника. А там, в Каргополе, училась на мастера маслодела. А на маслозаводе я мастером работала: сбивала, сепарировала молоко, сливки кипятила, творог делала, масло сбивала.

Готовить я любила: пекла шаньги, пироги. Калитки пекла картофельные (северные пирожки с картошкой). Да. Я любила картофельные калитки. И шаньги картофельные пекла тоже. Сметаной польешь тесто – оно зарумянится. Красивые шанёжечки. И капусты положишь, крупы капельку, мясо – и сварится приятный суп. Ещё отец ловил рыбу. Грибы всякие собирали: волнуху, лубянку, грузди. Я за рыжиками ходила, ягоды собирала: чернику, бруснику. Трудная жизнь была у меня, трудная! Сейчас отца нету, так меня никто не накормит грибами.

Я в войну воевала, была под Саратовом. Санитаркой была. Покойников, раненых таскали. Большой войны я не видела, фашистов не видела. Мы в вагонах жили. Раненых таскали на носилках. Пришлось поработать в войну.

Замуж я не выходила. До войны не вышла. До войны у меня кавалер был: у нас зона была тут недалеко, он охранником работал – я и познакомилась. Звали его Васей. Подружились, а потом война сделалась. Его на фронт взяли, я больше и не видела, и письма не было. Погиб он. Я больше ни за кого не выходила, не встречалась ни с кем. Что же сделаешь? Я всю жизнь платила бездетность (налог на бездетность). Я не рожала – как ребенка-то вырастить? Заработки плохие были. Я мало получала. Прожила так. 95-ый год живу, и хоть бы что: никакого мужа нету, и не надо.

Вечеринок у нас не было в войну, и после войны не было. Так, собирались в праздники. Троица была, Покров – мы собирались деревней, кучей ходили. Вино (водку) покупали, выпивали немножко. Наш отец любил выпить. Мама мало пила. И я мало пила, совсем редко. Ходили, гуляли. Здесь гармонисты были. Всякие старинные песни пели. Я бойкая была, такая бойкая, так ух! Мама говорит: «Головы не сносить тебе!» А что? Я бойкая была – это мне Бог в жизни дал.

После войны приехала и работала на бирже. Потом заболела – у меня туберкулез коленного сустава сделался. Я болела 6 лет. Пенсия маленькая была, трудно было жить.

Я ни с кем не ругивалась, ни с кем, ни с кем. Так прожила. Ну ладно. Доживу до смерти, скоро умру. Руки-то, видишь, опухают? Такие морщины вот. Скоро умру. Потом меня помяните, как я умру дак. Скажите: «Тете Зине Царствие Небесное». Да и все. Да. У нас все умерли. Никого не осталось. Я одна осталась, и детей у меня не было. Сноха вот есть, тоже больная – не может приехать. Племянница в Москве живет. Есть еще племянница под Ленинградом, в Мирном племянница и племянник в Архангельске. Вот так они и живут.

Я третий год уже здесь (в доме престарелых). Я уехала в поселок, жила там – как ветерану войны мне была квартира дана, я в ней 10 лет жила. А сосед попался пьяница и квартиру зажег. И сам сгорел. Квартира моя сгорела. Я ре-

До войны у меня кавалер был, звали Васей. Его на фронт взяли, погиб он там. Я больше ни за кого не выходила. Что же сделаешь?

вела-ревела, потом меня отправили в Плесецк, а потом и в престарелый дом. Больше я не бывала дома. А квартира сгорела, так никто и не ремонтирует, никто и не живет. А богатства было у меня полно: одежды, обутки – всего. И все-то сгорело. Ничего не осталось.

Ну что сделаешь? Такая судьба моя, верно?

Скоро умру. Потом меня помяните, как я умру дак. Скажите: «Тете Зине Царствие Небесное». Да и все.

Скоро умру. Потом меня помяните, как я умру дак. Скажите: «Тете Зине Царствие Небесное». Да и все.

Большова Анастасия Михайловна

Мне исполнилось 12 января 86 лет.
Родилась я в Медынском районе, село Передел.

Раз мы с приятельницей украли у немцев. Стоит лошадь, громадная телега, и там мешки. Прощупали мы – в мешках были сухофрукты. Ну, один куль мы украли. В огород, в снег закопали. Они что-то там меж собой говорят: «Мы недосчитались,» – но уже не стали этот куль искать, не такая уж для них это ценность.

Отец умер до войны, мама одна воспитывала четверых. Босые не ходили, голодные не были. Раньше работать заставляли и ребятишек – попробуй не сделай что: не натаškai воды, в кадушку не налей (а таскать не близко, колодцы редко были в деревне), грядки не прополи, как наказала мать. Приказывали – и всё делали, подчинялись беспрекословно и девочки, и мальчики своим родителям. Такое время было.

Когда война началась, мне было 17 лет. Я начала учиться в 10 классе, но не закончила. Пришли немцы 12 октября 1941 года. К счастью, в оккупации мы находились недолго – два месяца. С октября и до начала декабря.

Основной путь немцев был не по нашей местности, поэтому наша деревня уцелела – она в стороне была от их отступления. Зато обобрали нас: забрали корову, поросенка, кур. Но у нас они не бесчинствовали в деревне.

Ночевали немцы и у нас в доме: набилась их тьма. Нашли у меня учебник немецкого языка, заставляют читать: “Es lebe Genosse Stalin” – «Да здравствует товарищ Сталин», а сами хохочут: «Сталин, Сталин,» – орут. Жрут за столом – все опрятные, все подтянутые, все красивые, холеные, белокурые, красавцы на подбор. Лучшие дивизии шли впереди. Потом-то, когда они стали отступать, уже не так было...

Впечатление было у нас такое: ну где же нашим обмотчикам справиться с ними! А наши в шинелях, какие-то мятые, на ногах ботинки и обмотки. Бедность, внешний вид такой неприятный. А те ж – победители. Они чувствовали себя победителями. Ели свежее мясо, шоколад, яйца, свои концентраты из Германии везли. Шли как на праздник. Хорошо вооруженная была армия, хорошо одеты, обуты, хорошо кормленные, холеные все.

Раз мы с приятельницей украли у немцев. Стоит лошадь, громадная телега, и там мешки. Прощупали мы – в мешках были сухофрукты. Ну, один куль мы украли. В огород, в снег закопали. Они что-то там меж собой говорят: «Мы недосчитались,» – но уже не стали этот куль искать, не такая уж для них это ценность.

Печку топили, картошку любили варить. Сядут за стол – смеются, песни поют на немецком языке, радостные. Мы прятались в это время от них. Выпивали, наверное, или так им было весело – хохотали, песни пели, ели. Люди как люди, война как война.

Покая-то мы не видели, конечно. Все-таки они с оружием все ходят. Допустим, моей маме или бабушке показывают наган: «Матка, яйца, а то пух-пух». Конечно, вынесут яйца. Спрятать, не отдать легко, но они страшат. А что ему, дураку какому, в голову придет – он и выстрелит. Тут не пожалеешь никаких яиц.

Чем они нас беспокоили? Гоняли дороги разметать. Снег, декабрь, никуда не спрячешься, будешь прятаться от них – пулю получишь. Мы дороги чистили немцам, чтоб техника шла при отступлении и при наступлении.

Они нас не насиловали, ничего такого страшного не было. Немцы вели себя жестоко там, где их убивали. Они же были злые, когда партизаны их беспокоили – тогда они мстили мирному населению. А тут мстить-то не за что. Брали, что хотели, а мы смотрели и помалкивали. Какие-то партизаны были, приходили продукты взять: хлеба им набрали, сухарей, картошки. Пришли: «Мы партизаны, мы в лесу, нам нечего есть». А боевых действий там, где я жила, не было.

Когда немцы отступали, все на своем пути уничтожали, все сжигали. В церкви лошадей ставили – вот верующие тоже. Хотя у них католическая вера, все равно вера в Иисуса Христа. Но насилия или чтоб расстреляли кого-то – я не слышала.

Отступали они в спешке, их от Москвы погнали быстро-быстро. Зима, холода. Валенки снимали они с нас. Если мы идем зимой в хороших валенках – снимут, оставят босою. Шали брали, платки теплые и укутывались, потому что холод, а они в кожаных хромовых сапожках, а морозы тогда были 40 градусов. Конечно, шубы прятали мы, но, где им удавалось, они брали теплые вещи и питание.

4 декабря постучались к нам в дом. У нас крайний дом от леса и от речки. Вышла я открывать, спрашиваю: «Кто?» У них первый вопрос: «У вас немцы есть?» – «Нет.» – «В деревне есть?» – «Нет» – «Откройте, мы свои.» Открыли, а это наши разведчики. Заходят в дом двое: белые полушубки до колена, с воротниками, подпоясаны ремнями, меховые шапки, на ногах валенки. Мы удивились – таких полушубков не видали. Щегольски выглядели разведчики.

Зашли они в дом, расспросили, в каком селе немцы. Мама им чаю предложила и поест. «Нет, бабушка, мы уже сытые, ничего нам не нужно, нам только узнать, потому что завтра здесь будут наши войска, наступающие от Москвы». И действительно, наши войска вступили в деревню.

Из моих ровесников, ребят, которые вместе со мной в школе учились, пришли, наверное, четверо с войны. Говорят, в войну погибло 30 миллионов, мне кажется, не 30 миллионов, а больше. Землю устелили людьми сплошь – от Москвы и до Берлина. Если всех расстелить, то все покроется мертвыми людьми.

Весной, когда пришли наши войска, молодежь от 14 до 17 лет мобилизовали в систему трудовых резервов на Урал. Нас с сестрой двоих взяли: мне было 17, ей 16 лет. Мы жили в городе Молотов (нынешняя Пермь). Учили нас, поселили в общежитие. Давали нам по 800 грамм хлеба, а больше к хлебу ничего. Молодой организм – все время хотелось есть.

Молодежь веселилась, не чувствовалось никакой войны. Елка там была нарядная, женихов хватало нашего возраста. Помню, пишу мамке: «Пришли мне посылку – платье и наряд». Мы уже стали невеститься. Ко мне приехала мама, привезла нам нарядов, меду.

Когда вернулась, закончила институт учительский в Загорске, он трехгодичный был, потом я два года заканчивала Московский Ленинский заочно. Тут я уже замуж вышла.

60 лет работала учителем, все время в одной школе. С детьми очень даже ладила: дети чуткие, любят справедливость, на прямоту не обижаются. Отношения с коллективом, с учениками были нормальные. В 2005 году, в 80 лет, пошла на пенсию. Мне учителя говорили: «Не уходи, будешь жалеть». Одиночество. Муж умер, детей у меня своих не было. Я ушла, действительно, сразу осела, постарела. Всю жизнь провела в школе – и вдруг одна в доме. Тут еще и здоровье подвело, и я решила сюда уйти, не надоедать племянникам. Если уж нет своих детей, племянников нечего загружать. Хотя они относятся ко мне хорошо, живут в Москве, сюда приезжают.

Мне пишет Оля Суворова (Анастасия Михайловна говорит о своей «внучке по переписке» – девушке, которая стала переписываться с Анастасией Михайловной, увидев ее фотографию на сайте благотворительного фонда «Старость в радость»). Она совершенно меня не знает и никогда в глаза не видела. Я не знаю, почему и как так получилось – она прислала мне посылку. Я ей написала ответ, конечно, с благодарностью. Но дело в том, что посылка так много стоит. Я удивляюсь, на какие средства это она: кофе там, шоколад, конфеты, всякие пирожные...

**Помню, пишу мамке:
«Пришли мне посылку – платье и наряд». Мы уже стали невеститься. Ко мне приехала мама, привезла нам нарядов, меду.**

Захарцова Анна Алексеевна

Я родилась 22 ноября 1922 года.
Здесь я родилась, в Доброводье, в крестьянской семье.

До войны у меня гусей 70 штук было, овцы, свиньи, куры, коровы, подтелок. Хозяйство богатое было, потому что хороший папа был, рабочий – очень хороший, столяром работал. Железом покрыта была хата, железом покрыт был амбар – лучше всех жили в деревне. Но тоже схватила его язва. До больницы довели его – и умер.

Я четыре класса кончила. В Доброводье училась, а потом не пошла никуда. Куда ж учиться, когда папа умер, а мама наша болела все время. Я, считай, сама хозяйка. Везде все делала. Работала я как ишак. В 41 году мы в колхозе работали. Лопатами копали, сеяли, жали.

Вот началась война. Мы копали землю лопатками, копали плугами – четверо женщин и я пятая. Все делали. Я такой человек, что везде поспевала: и ветеран труда, и войны.

В войну всяко было, к нам немец пришел 1 октября 1941 года. Сначала наши солдаты пришли, и все в хаты позаходили. А начальник говорит: «Идите на двигатель, берите муку, будете печь хлеб нашим солдатам». Мы все пошли на двигатель, сидим там, болтаем – молодежь все же. Вдруг на Ульяновку и на Буденовку пустили ракеты, и наши солдаты все сдались. Никто ни одного выстрела не сделал, и машины побросали с оружием, с одеждой, с продуктами – со всем. И немец пришел, и был до 43 года, до апреля. Бомбил немец, побил хаты, людей много – такая бомбежка была.

Не только слышали мы, но и видели немцев – строгие такие. Очень жестокие. Если хорошие девки, то они ловили и издевались. Мы прятались – жестокие они такие. Им холст понравился деревенский – они выбирали в сундуках – так они посылки отсылали домой. Всякие были, и хорошие. У нас были два начальника, мама готовила им кушать. Они говорили: «Мы не хотим вас обижать, наши тоже киндеры». А были мадьяры – те прямо и коров резали, и гусей. Стреляли, потом вылавливали, щипали, в печках сами обваривали – такие дерзкие были.

В конце апреля нас, все Доброводье, в Курскую область эвакуировали, на бортовых машинах всех повывозили, никого не оставили. И я, и еще другая женщина – мы решили: останемся, пойдем посмотрим, что там получилось. Ну и пришли. На своей стороне стоим. Идет военный и говорит: «Девочки, вы согласны в госпитале поработать?» – «Мы согласны». Остались и поработали. За ранеными ухаживали, кормили, белье стирали. Тяжелораненых привезут – перевяжем. А в конце августа 43-го посадили всех нас на машины – госпиталь эвакуировали. И сказали: «Если немец даст в воздух, вы уезжайте. Если нет, то стойте». Стоим, и близко к зареву, к рассвету, Катюша прошумела – такое зарево было. И вдруг наши солдаты бегут и говорят: «Все, мы немца забрали в сонном виде. Ни одного выстрела не было». А через полчаса прилетели наши самолеты и побили всю нашу передовую, наших русских побили. Как повезли их и поналожили в хаты, раненых, понавозили. И мы ухаживали, ночь и день ходили. Кому водички, кому подать чего. Сильно раненых увозили в тыл, а которые с ногами, с руками, – мы за ними ухаживали, а некоторые умирали. Ой, я настрадалась, все было.

Я задавала вопрос: «Как вы могли нас и наших побить?» Мне и отвечает начальник: «Не сумели дать знак, что забрали немцев». Я удивлена до сих пор: как это не сумели? Забрали немцев, Катюша шумела – как они не предупредили, что наших побили? Всю передовую – столько побито, столько наших привезли. И

двух танкистов привезли, все в водянке, и один, и другой. Вот я поднесу водичку, он за кружечку эту возьмется: «Еще, еще!» – так проговаривает, у меня душа млела. Как я за ними ухаживала, очень всего навидела. Кормили их понемножку. А раненых, наверное, было хат десять навалено: на одну сторону и на другую, а нас четыре человека ходило, и мы ни дня, ни ночи не спали.

Везде я все помогала, кругом и около. Наступление прошло до Брянска. Тогда наших стали возвращать. И все мы стали хлеб жать, хлеб-то был посеян, лопатками копали, жали серпами и цепами молотили, все было поразбито от и до. Гнилую картошку собирали да ели. Траву собирали да терли, да пышки пекли. Вот такое дело. Жили зато дружно, да еще девки молодые. Я-то, конечно, в горе убитая, никогда в веселье не участвовала, а они пашут или молотят и вот остановятся и песни поют. Я говорю: «Девочки, как вы поете? Война!» А они говорят: «Ушла война, далеко теперь». Такие песняки были, такие песняки – все песни знали.

Трех братьев у меня на войну позабрали. Один был летчик. Он письма писал, узнал, что мы живые. Встретила я как-то двух летчиков. Они узнали меня и говорят: «Ой, как вы похожи на Диму. Мы от него едем. Как только приедете в Курск, ему дадут отпуск, и он дома побудет». И вдруг 11 ноября приходит телеграмма: «Приезжайте на похороны сына». Все тут удивленные: только что писал письма, и все хорошо. Мы поехали по телеграмме, приехали в Курск. Нашли этот аэродром. Девочки-летчики и рассказали, что Дима собрался лететь, приехать к нам. Дали ему на 10 суток отгул. И пошли самолеты проверять, чтоб все нормально было, и разогревали мазь. И мазь разогрелась, а там в земле была мина – взорвалась, и его убило. Там в Курске и похоронен. А где другого и третьего брата похоронили – никто не знает. Писали всюду, но ничего не известно...

С мужем так познакомились: он пришел после войны раненый, мы собрались с ним и решили уехать в Ростов. Когда я в Ростов приехала, я удивилась: хлеба такие буханки румяные, на поду печеные, рыба красная, икра – всего много и все дешевое, в 51-м году. Я удивлена была, откуда все бралось.

Муж в Ростове экскаваторщиком, а я грузчиком работали. А потом у нас была санаторно-лесная школа. Дети там учились – не больные, а слабые. И меня, как порядочную, туда взяли, и я проработала 31 год, 250 детей и воспитателей помню. Все дети были хорошие. Я кастеляншей работала. Мы белье стирали, постель меняли. Комиссия приезжала, а у нас белье все белое. Дети спят, как лебеди белые. Меня на конференцию взяли: «Как у вас там все такое белое, как все так сложено хорошо?» Я день и ночь на работе была. Я в четыре вставала, в пять уже приезжала.

Муж потом умер, я с сыночком одна жила. 56 лет в Ростове там прожила. Сын женился, в Краснодарском крае жил. Все было хорошо, а пошел в магазин – упал и умер – излияние крови. А меня родственники забрали в Доброводье. Меня сюда директор взял, и вот я живу здесь (в доме престарелых).

А пишет мне письма Наташа – приезжали все сюда (благотворительный фонд «Старость в радость»). Вот она мне стала письма писать, посылку мне прислала. И вдруг Наташа пишет мне: «Я хочу приехать». И с двумя детьми! Я увидела ее, стою, мы обнялись, целовались, плакали. Так вот она мне все пишет, и я ей пишу. Вот она мне прислала гостинец: два полотенца, платок белый. Я ее не знаю, как благодарить. Люблю ее, как дочку. Было б можно, я б к ней полетела.

**Я говорю: «Девочки, как вы поете? Война!»
А они говорят: «Ушла война, далеко теперь».**

Раз мы с приятельницей украли у немцев. Стоит лошадь, громадная телега, и там мешки. Прощупали мы – в мешках были сухофрукты. Ну, один куль мы украли. В огород, в снег закопали. Они что-то там меж собой говорят: «Мы недосчитались,» – но уже не стали этот куль искать, не такая уж для них это ценность.

Поляницына Мария Ефимовна

Родилась я 25 июня 1929 года.

**Когда невестами
стали, по пятнадца-
тому году, уже женихи
стали бегать за нами,
а обувь-одеть-то не-
чего. Солдаты пода-
рили гимнастерку,
мамка юбочку такую
сшила, там и ходила
на гулянье.**

Выросла, в ФЗО (школа фабрично-заводского обучения) ушла, ткачихой работала, а потом 26 лет на почте отработала – вот мой стаж. Эвакуировались в войну на немецкое Поволжье – пешком добирались. Шел немец на Сталинград, и нам сказали, чтоб с Поволжья уходили. Нас восемь у мамки было. Сестричка моя, двухлетняя Верочка, померла дорогой, в снегу закопали. В Орловской области нас в милицию забрали: мы шли, откуда и немцы шли, а паспортов у нас не было. Потом нам дали домик без крыши, отопления – на пруд ходили, ивняк ломали, им и топили. Никто нам не платил ничего. Ждали мы, чтоб потеплело – пешком пойти. Побирались ходили, просили хлеба. Мамка сумку мне дала. Мне уже 14 лет было, я в город пошла, тетеньку попросила, она меня застыдила: «Большая, а побираешься». Пришла домой без всего, мамка меня отругала, побила. А брат нас кормил: шестилетний, ему давали. Бывало, придет – собаки закусали, распухший, а горбушку принесет. А мы уже тогда от голоду опухли, умирали. Потеплело и домой пошли. На второй день Пасхи на родину пришли, нас там уже родственники накормили.

Когда невестами стали, по пятнадцатому году, уже женихи стали бегать за нами, а обувь-одеть-то нечего. Солдаты подарили гимнастерку, мамка юбочку такую сшила, там и ходила на гулянье. А у нас и с парашютов шили: в лесу находили, распарывали, кофточки, рубахи шили. И снаряды были, взрывались. И для детей война была.

Что ели – на липах листвы уже не было: мамка ее сушила, толкла и лепешки пекла. Лебеду ели, крапивы – и то не было, щи из крапивы варили. А как я на ветеринара училась, бывало, пойдем с сестрой под мост, нарвем щавелью, а потом щи заварим – все ели, все. А картошку сажали – выкапывали весной, в червях, в мошке – все ели.

В 18 лет родила девочку, она умерла в три месяца: лекарство не то дали. Вторая девочка в 44 года умерла, оставила двух внуков, они в армии служат.

Я как детей похоронила, все плачу, все нервы потрепала. Дедушку (т.е. мужа) седьмой год как парализовало, мы сюды (в дом-интернат) и переехали. Овец 29 было, 30 коз, а как дедушку парализовало, все я и уничтожила. Индоуток 45 было, курей 20, собаки. Я все управлялась, сама пасла. Такого счастья в жизни больше не было. Ягняточки на меня прыгнут, ножки положат, облизывают. Лягу в траве. В облака смотрю: там все святые и звери, растянутся – и новые сразу. А как иволга в болоте пела! Как будто похороны. Наплачуся с ней и иду домой. Вот это жизнь-то была.

Ночью козленок в ящике какой не спит – возьмешь его под одеялку, и он заснет. Никто меня так не жалел, как козлятки, никого я так не любила. С дедушкой, бывает, поругаемся, а вот шум, громко – бегу к нему, сама себя не помню. «Боря, Борюшка!» – бегу к нему, как бы его кто не обидел. Не знаю, любовь ли это.

Мы с мужем всю жизнь прожили, а теперь помирать собираемся. Внучка у меня теперь – Катя, Катенька (Мария Ефимовна говорит о свое «внучке по переписке» – девушке, которая стала писать Марии Ефимовне письма, увидев ее фотографию на сайте благотворительный фонд «Старость в радость»). Как-то по интернету меня узнала. Какой-то что за интернет – не знаю. Девочки приехали («Старость в радость»), дают пакет, а там ночная рубашка байковая от

Кати, я ее на ноги натяну и про Катю думаю. У нее сестренка Галя есть, я их обеих внучками зову – внучки мои. Хоть бы забыла когда в праздник – нет, все письма идут. Такая девочка. Как ее родители-то воспитали, а по телевизору молодежь другая. Я и не знала, что молодежь такая, там все голых показывают, а вот стали девочки приезжать – вижу, что хорошие.

Скажу Кате: если отвечать не буду – все, погибла. Дедушка-то не отпишет. Я лягу, не сплю ночью, про Катю думаю.

Девочки мои, внучки – вот она, вся моя жизнь. Вот над холодильником хомячок, смотрю – Катю вспоминаю. Ей хомячка подарили, я ей написала: «Что такое этот хомячок? В жизни его не видала». Она мне картинку и прислала. Хомячок висит, глазами черными смотрит, и я радуюсь. Думала, это мышь белый – нет, хомячок. Никогда его не видала. Катя приезжает ко мне. Первый раз ее увидела – заплакала. Катя моя. Переживаю за нее, чтоб на самолетах не летала. Сразу отвечаю, а гляну – уже опять от нее письмо. Она печатывает их. Я руками пишу, а она печатывает.

***А у нас и с парашютов
шили: в лесу находили,
распарывали, кофточки,
рубахи шили.***

Журавлева Анна Федоровна

Родилась я 17-го июня 1920 года
в маленькой деревне Лифаново.

В 1935 году была коллективизация. Мне было 15 лет. Я четыре класса окончила, дальше мне отец не позволил учиться. Отец сказал: «Младшего будем учить, а ты будешь работать». Так я и осталась работать в колхозе.

В 1939 году брат и мой жених вместе ушли в армию. Должны были из армии вернуться осенью, но война раньше началась – летом. Они прямо из армии попали на фронт. Писали письма, а я их берегла-берегла. Брат, 1922-го года рождения, погиб на фронте. Чуть не дожил до победы – сто с лишним денечков. В феврале пришло письмо матери – извещение, что брат мой погиб. Он такие письма писал... У матери потом выпросили эти письма и взяли в краеведческий музей Калуги, а потом спросили разрешения передать его документы в военный музей. В музее на Полотняном заводе есть «Книга вечности», брат туда внесен. На День Победы про него много писали в газетах.

Немцы пришли в деревню 14 октября, как раз на Покров. А 11 января уже наши стали наступать и освободили нас. Три месяца мы были в оккупации. У нас ничего еще – не безобразничали, а в других местах, в деревне около Угры, детей в колодец кидали. У нас еще терпимо было. Они мало у нас стояли, все куда-то ездили.

Как-то ночью пришли к нам два наших лейтенанта. Мамка говорит: «Ребята, и вас убьют, и нас убьют. Осторожно надо, тут немцы близко стоят». Они сказали: «Мы в сено закопались в сарае. Дайте нам что-нибудь перекусить, мы пробираемся к своим. Если будем живы, то пришлем вам письмо». Мама дала им с собой еды в сумочку, и они пошли пробираться к своим.

Потом, когда от немцев освободили нас, стали все восстанавливать. А у нас трудодней много было, зерна много. Мы закопали в землю большой рундук – шесть мешков, и под полом дома муки кадушка стояла. У нас было из-за этого хорошо. Мы за рожь, за зерно купили домик – мать, я и сестра (сестра моя, 1925 года рождения, уже тоже была невеста). Бревна мы возили на себе. Военные увидели: «Девочки, что же вы делаете? Вы рожать не думаете – такие бревна таскаете? Мы вам поможем». Они нам помогли: на Пегачке (лошадь пегая у них была), а потом на машине еще большие бревна возили. Так мы поставили домик.

Брат Володя писал с войны: «Меня поранило, покорябало мне плечо, я сейчас нахожусь в госпитале у двоюродной сестры Тони. У меня есть возможность, я к вам заеду денечка на два». Вот он заехал – мы на крыльце были, а мать несла огурцы в погреб. Увидела, что Володя идет – огурцы посыпались по дороге. Так обрадовалась! Он говорил: «Вам же еще трудней пришлось, чем нам. Сколько вы пережили!»

Нам с подругой были повестки – явиться в военкомат, иметь с собой продукты на два дня, котелок, ложки. Мы встали рано и пошли, идти было 13 километров. Гроза, дождь, а мы то побежим, то сядем. А впереди нас из соседней деревни девушка бежала. Только из леса вышла – ее прямо на полянке грозой и убило. Там долго крестик стоял, перевязанный черной лентой.

Мы прибежали в военкомат, а там начальник сидит: «Девочки, что вы?» – «Вот так и так. Повестки дали, а мы опоздали – дождь нас захватил». Он говорит: «Сей-

Военные увидели: «Девочки, что же вы делаете? Вы рожать не думаете – такие бревна таскаете? Мы вам поможем».

час эшелон отправили, а повестки еще будут. Вы будете не на фронте, а в швейной, на кухне или в прачечной. За фронтом будете идти. Ждите». Мы пришли домой, мать говорит: «Отдыхай. Если кто придет, скажу, еще не пришла». Но никто не пришел. Потом пришла повестка – на Муковнинский аэродром работать. Брали работать девушек 1920-21 года рождения, потом 1922-го. Сначала мы работали на аэродроме, потом траншеи, окопы копали под Калугою, потом нас отправили на лесоразработки для мостов: деревья мы валили, толстые сосны. Дома не были – в землянках жили. Раз был такой случай: керосина не было, и в керосиночки бензина налили и повесили. Керосиночку кто-то свалил, и одну девушку облило бензином. Она загорелась, а мы не знаем, что делать. Стали ее заливать, а она все равно горит. Батюшки родимые! Прибежали потом санитары с красными крестами, одежду накидали на нее, тогда только затушили. Выжила, но инвалидом осталась.

В войну не были дома. Только придем – опять повестки.

А потом война кончилась.

Многие тогда уходили из колхоза, убегали, а меня председатель не отпустил: «Мы с тобой должны хлеб растить, коров доить. Не надо куда-то уезжать. Мы постановили на заседании тебя бригадиром выбрать». В 1946-47 годах я была бригадиром. Работала два года. Большой урожай картошки собрали. Про меня писали, флаг трудовой славы поднимали.

Потом стали скот выводить, и я стала работать дояркой. У меня 40 лет непрерывного стажа, мне за это больше начисляют пенсию. Работала на старом дворе, 13-16 коров доили руками. Трудно было.

Когда построили у нас новый комплекс, меня выбрали заведующей фермой. Я говорю: «Я справлюсь. И группу коров буду иметь, и заведовать буду». Работала заведующей фермой, и ферма наша была передовая, и молоко качественное было, шло в детские учреждения, в больницы. Так и писали. Меня заставляли по телефону говорить с корреспондентами: «Вы должны дать интервью» – «Я не умею» – «Сумеешь. Сначала тут, а потом по радио будешь говорить на весь район. Как ты попала в животноводство?» Я сказала: «Я люблю животных, я люблю делать добрые дела, а молоко – самое главное питание для старых и для малых – для всех. Не одна я – все у нас на ферме работают хорошо, добросовестно». Наша ферма первые премии получала все время, и мне давали награды: орден, медали.

Мне было работать тяжело, но интересно. Я опять пошла бы. Коровы хорошие, телята. За быками никто не хотел ухаживать, так я и ухаживала за ними. Три быка было. Я приду, овса насыплю им. Пока привязываю, встану на кормушку, обхвачу шею и приговариваю: «Хороший, хороший», – а он тает. Еще как лизанет языком шершавым. Мне было интересно, я управлялась, была проворная. И вот дожила до каких пор! Говорят, кто больше работает, тот дольше живет.

Замужем я не была, хотя много предложений было. Сейчас думаю, такая моя доля, а племянница говорит: «Сама ты не захотела, окунулась в работу».

За быками никто не хотел ухаживать, так я и ухаживала за ними. Три быка было. Я приду, овса насыплю им. Пока привязываю, встану на кормушку, обхвачу шею и приговариваю: «Хороший, хороший», а он тает. Еще как лизанет языком шершавым.

Стихотворение есть, вроде как про меня. Я его бабам рассказываю, а они: «Ты сама, наверное, сочинила».

*Стоит домик в нашей деревне
На перекрестке дорог.
Дни коротает старушка,
А молодым невдомек,
Сколько на сердце усталом
Разных забот и тревог.
Как ты одна там осталась?
Быт твой хорош или плох?
Мы пред тобой виноваты,
Что ты живешь сиротой.
Ты не расстанешься с хатой,
Жизни не хочешь иной.
Любишь земле поклониться,
Времени нет отдыхать –
С солнышком на ночь ложиться,
С солнышком утром вставать.
Любишь ты русскую печку –
В городе нету такой.
Садик, родное крылечко,
Водичка в деревне – в городе нету такой.
Часто стоишь на крылечке –
Может, кто приедет навестить.
Ну а коль никто не приедет,
То можешь понять и простить.*

Я дальше сама придумала:

*Не узнала я бабьего счастья,
И поэтому осталась одна.
И во всем-то, во всем виновата война.
А если б мой милый вернулся с войны,
Была бы счастлива я.
Были б у нас дети, были б у нас внуки,
Была бы хорошая семья.*

У нас в деревне 90 домов, а никого нет – одна я в престарелом доме. У меня четверо племянников. Они меня не забывают. Девочка вот стала мне писать (Анна Федоровна говорит о свое «внучке по переписке» – девушке, которая стала переписываться с Анной Федоровной, увидев ее фотографию на сайте благотворительного фонда «Старость в радость»). Написала: «Я буду Вам писать, а Вы мне ответ дайте. А не будете писать – все равно буду Вам писать и буду рада». И конверт положила, чтобы я ей ответила. Мы с Наташей писали. Я ей диктовала. Наташа – это племянница из Обнинска.

Тут хорошо (в доме престарелых). Если бы не было этого дома, что бы я тогда делала?

Якушева Светлана Григорьевна

У мамы ребенок – я – родился в 42-м году.

И родился рахит: ручки тоненькие, ножки тоненькие, все жилочки наружу, а живот вот такой. Мама говорит, когда мной беременна была – опухала. Думала, богатыря родит. А родила – так и посмотреть не на что. Так вот у матери молочка не хватает, а молока нигде и не достанешь, и не купишь. Мама говорит: «Что делать? Родила – кормить нечем». Мама пришла в райисполком, положила на стол, распеленала меня и говорит: «Вот у меня ребенок, он у меня умирает. Молока у меня нет ни грамма. Мне кормить ее нечем. Если вы мне не можете, значит, я ее буду хоронить».

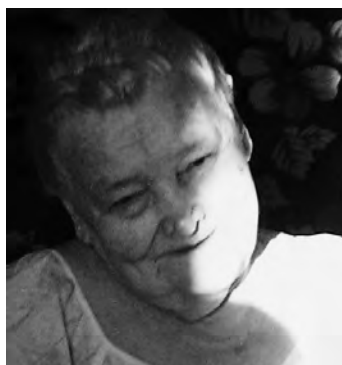
Так вот райисполком в Новосибирске выделял в месяц 200 грамм манки и 50 грамм – написано – масла. Я у мамы спрашиваю: «Почему у меня в метриках масло какое-то написано, 200 грамм манки?» А она говорит: «Дочь, так это твое питание!» На месяц давалось. Вот. Я говорю: «Мам, ну как ты кормила?» – «Как кормила? Вот воды поставлю, водичка начинает закипать – я ложечку чайную манки положу. Это на месяц – 200 грамм. Ложечку чайную манки разболтала и маленькую крошечку масла». Так я говорю: «Масло было? Еще в войну масло находили?» – «Дочь, какое масло? Сейчас маргарин в тысячу раз лучше». И вот этим и поила. И выкормила – вот, сижу перед вами.

А отец – он у меня был под броней. Он работал на заводе Чкалова – военный был завод. И у него была броня – это значит, что на фронт его не брали. И вот мама рассказывает: приходит отец домой – смену отстоял – и приносит 200 грамм хлеба – это дали, что он смену отстоял. И приносит: как делить? Мама сто грамм отцу отрежет, остальное детишкам, а сама уже как где. Разворачивается отец, уходит. Отработал смену – приходит, приносит жмыху. Вот такая плитка жмыхи. Смену отстоял – плитку жмыхи дали. Мама сначала думает: «Что я из этой жмыхи делать буду?» А потом кипятком залила, поварила – такая хорошая получилась каша. Все ели эту жмыху. Мама говорит: отец придет, два часа поспит – и опять на работу. День и ночь работали. День и ночь, не выходя с завода. Если придет – два часа побудет, а то придет только и спросит: «Ира, живая?» – «Живая». И пошел обратно.

Умирали люди с голоду. Выжить как-то надо в Новосибирске: денег не давали, давали облигации. У меня мама была хорошая портниха. Сажусь, говорит, за машинку, бурки сварганила, утром дети спят, закрыла, отец на работе – и на базар. У людей тоже денег не было. Подошла – картошку продают, говорит: «Давай я тебе бурки отдам, а ты мне ведро картошки». Ведро картошки забирает, приносит домой – семью кормит. Бурки – это на ноги обувь такая. На бурки брались шинели – вот люди помирали, убивали людей – на базарах продавали шинели с людей. Мама по дешевке купит эту шинель, дома распарывает, вымывает и с этой шинели шьет бурки. Тогда же обуви не было. Вот так жили.

Муж меня нашел в Барнауле. Я не думала замуж выходить. Я даже говорила: «Я замуж не пойду». Ага. И вот в заводе работала в Барнауле на станкостроительном, навязался такой на меня – ну что, сошлись. Две дочери нажили с ним. Две дочери у меня живут там же в Алтайском крае, три внука. Судьба: он в Барнаул приехал. Что его в Барнаул потянуло – не знаю. А вот его что-то туда потянуло, и в завод тот же устроился, где я работала. Я на станке работала, а он шофером автокара был. Вот судьба, девушки, говорят – судьба. Судьбу свою не обойдешь и не объедешь, она тебя везде найдет. Так что верьте, верьте, бывает такое. Как было, так я и рассказала.

«Вот у меня ребенок, он у меня умирает. Молока у меня нет ни грамма. Мне кормить ее нечем. Если вы мне не можете, значит, я ее буду хоронить».

Веселова Антонина Владимировна

Родилась я 17 августа 1926 года.
Деревня Афоницы, около Ветлуги.

Мы же старались – все для фронта. Мы для себя-то ничего. Нам бы только чтоб наши отцы вернулись. Но папочка не вернулся.

Когда началась война, папу сразу забрали. Седьмого июля проводили папу. Папа погиб у меня под Москвой. Было нас четверо, сама мама пятая осталась. Вот детство у меня кончилось тогда, пришлось сначала с ребятами, с этими малышами нянчиться. А я в 41-м году закончила семь классов, почти одни хорошие оценки. Одна только «посредственно» была – по немецкому. Остальные все «отлично» и «хорошо». Хотелось дальше учиться, но не пришлось. В 42-м году меня мамочка устроила на фабрику, телефонисткой. Фабрика большая, там 150 номеров. Ну, я их выучила быстренько и на другой день пришла работать. И вот я работала с 42-го до 88-го года.

А в войну как жили... Мама, я – старшая, 14-летняя девчонка. Юра – брат – семь годиков, Нина – сестра – три. И Ольга, ровесница войны, 41-го года. Вот у нас семья такая. Голодные и холодные. Всяко... И в лапотках ходили, и ели очистки, и ели лебеду, и ели подорожник, и ели крапиву. Все собирали, вот так. Четверть – теперь держат в банке, а тогда – четверти. А мама мне сделала ляточки. И я эту четверть возьму – и в деревню пойду, в Солоницу, мама-то в Солонице. Приду, там тетки-то, сестры-то мамини двоюродные, мне нагрузят котомку. Туда бегу бегом, а оттуда – еще быстрее. Мама придет – я уже с молоком, с буханкой хлеба, с караваем. Вот так. Козочек стали держать, так и выжили в войну. Голод, конечно, был, страшный голод. Я работала, машинисткой выучилась. Приходилось печатать день и ночь, только бы заработать на кусочек на какой. Да ходили потолки мыть по людям по чужим к Пасхе; за пять-восемь яиц вымоем потолки. С мамочкой все ходили. Стирали белье чужое за кусочек, за хлебушко. Так и выжили.

В войну тут немцев не было. Вот только и говорю, что тем мы и счастливы. Бомбили же постоянно, реку бомбили, а нас Господь обошел. Спас. Мы только голод, холод испытали, но разрывов бомб мы не слышали. Мы этим счастливы хоть. А еще у нас цех был такой, «цех 2» назывался. Там из нашего картона делались крышечки, эти крышечки одевались на пушки, когда пушка передвигается куда-то, ею закрывали ствол, а перед стрельбой снимали. И вот мы за счет этого цеха, может, и выжили, потому что нам стали давать как оборонным.

Мы же старались – все для фронта. Мы для себя-то ничего. Нам бы только чтоб наши отцы вернулись. Но папочка не вернулся.

В 45-м я вышла замуж, у меня в 47-м родился первенец. А голод-то вот испытывали, лежим, родильницы, 14 родильниц лежим, нам никто хоть бы кусочек хлеба принес, а покушать хочется, голод страшный. И вдруг приходит, не помню уж, мама или кто, приходит: «Девчонки! Реформа!» И все объявилось вдруг. Хлеб появился, крупа. Досыта не можем наесться хлебушка: на столике у нас хлеб, соль, и мы, родильницы, попиваем да хлеб уплетаем. Послевоенные годы пережили, этот голод помню. Но жили очень дружно.

А дрова – вот так по снегу лазили зимой, на саночках, – где у нас эстакада, там лес дремучий был, брусника, черника, грибы – все тут. Вот туда, там свалим пилой березку, трос сделаем, мама первая обомнет большой снег, я за ней ползу, санки нагрузим. Привезем эту березку, дома расколем. На печку наложим клеточкой. Вот так и топились.

А ели вот, значит. Первая крапива появилась – набираем крапивы, крапиву эту кипятком ополаскиваем, измельчает мама. А потом лебеда-трава, подорожник. Подорожником-то еще не раз и травились-то, он же ядовитый, его надо

крепче ошпаривать. Конечно, голод был, страшный голод. Но хоть мы разрывов-то бомб не слышали.

А одевались. Вот у меня были ботинки на деревянной подошве. Вот в этих ботинках я даже уже в конторе машинисткой, сижу. А там машинка у меня, столик, я ботинки сняла, деревяшки, за шкаф и сижу в носочках. Главный инженер идет, подошел, говорит: «Соколова! А Вы чего босиком?» Я говорю: «Я не босиком, я в носочках» – «А вообще вы в чем ходите?» Я встала и из-за шкафа вынула эти ботинки, говорю, – вот. Красавица девчонка, косы у меня ниже пояса. Он говорит: «Батюшки! Машинистка-то у нас!» Пошел к коммерческому: «Что ж тут у нас? Она у нас одна девочка такая красавица, молодая, хоть бы вы, говорят, узнали, как у них семья-то». Меня вызывает он к себе: «Ну-ка что у вас?» Ну что: за папу ничего не получаем, у мамы 115 рублей, а у меня 150, наверное, была зарплата. «Получайте, – говорит, – идите на склад». Батюшки! Я глянула: муки мне выписали, тапки, сукна-то 5 килограмм! Еще много-много-много. Вот так и выжили. Мы с мамой и подняли всех. Девочки выросли, в школу пошли. Все хорошо стало. Ну а детства-то, конечно, не видела, нечего говорить. Детство война отняла, Гитлер отнял. Фашисты.

О! Мы собрались, вспомню, в День Победы. Объявили, думаю, что такое у нас? Гудок гудит, гудит, ой. Косы-то – бегу, на ходу заплетаю, фабрика-то дважды горела у нас. Что такое? Прибежала, у нас в конторе все плачут, обнимаются, целуются. Меня сразу тоже. «Да что случилось-то, скажите?» – «Да война же кончилась!» О! Я тоже запрыгала от радости. Тоже целоваться! Потом всем хоро-водом целым пошли в клуб. Клуб у нас красавец ведь был. В клубе-то уж места даже нет. А погода-то! Снег! 9 мая – снег по колено.

Дак праздники-то были, конечно! Всегда отмечали праздники-то. Голодно, холодно, да все равно праздники отмечали. Без пьянки, безо всего.

Вышла замуж я в 45-м году, тут узнала я горе, пьяницу, такого распутного. О, Господи, Господи... Прости меня грешную. Тут уж я пролила слез, конечно. И в конце концов, вот молилася, на коленочках перед иконочками молилася, и Господь как-то помог мне, я с ним развязалась. Не только жить, а существовать не на что было. И начала, как говорится, с нуля, трое ребятишек уже. То вязала, то шила, то вышивала, то дроблю день и ночь на машинке.

А дети умерли у меня. Это можно было давным-давно мне уж валяться на кладбище, где дети, но я выжила. Каково это было! Я вообще не знала, день идет или ночь. А выжила, благодаря вот всем молитвам. И теперь вот сижу, жду. Сердце подсказывает: девочки ("Старость в радость") должны приехать.

***О! Мы собрались,
вспомню, в День По-
беды. Объявили, ду-
маю, что такое у нас?
Гудок гудит, гудит, ой.
Косы-то – бегу, на ходу
заплетаю, фабрика-то
дважды горела у нас.
Что такое? Прибежала,
у нас в конторе все пла-
чут, обнимаются, це-
луются.***

Таламанова Нина Михайловна

Родилась я 22 мая 1924 года в Ивановской области, в городе Юрьевец на Волге.

Семья у нас маленькая была, все хорошо было, а потом война нагрянула. Отец сначала работал на погрузке дров, а потом в Молотилровке на барже. Я к нему приехала в 1941 году. Сначала осталась у отца, потом послали дальше: с Балахны возить баланс на фронт. Баланс – это деревцо 4 метра длиной, оно как раз годилось на землянки. Лес тоже возили от Череповца к фронту, к Ленинграду. До самого Ленинграда не допускали: там уже не постовые были, а немец торчал. Понтонеры тоже возили к фронту. В Лысково, недалеко от Горького, мы взяли военных – их надо было везти в Уфу. Доехали до Уфы поздно, зимовали в 1941 году в Казани. А зимой работа у нас была такая: дежурили, на заводах работали, все делали к фронту. Мы в транзите были все время: тес возили в Москву, а Москва еще что-то делала и посылала на фронт.

А второй раз зимовали мы в Рыбинске. Там возили дрова в казармы бойцам, чтобы не замерзли. Разгружали наши баржи пленные немцы, румыны и чехи. А потом опять транзит, опять возили военных, уже обратно к фронту. Наша работа была не грузить, а просто пароход расшвартовать – надо якорь пускать, а якорь очень большой: одна лапа вот такая, а их четыре. Да еще шельма, а шельмой называется такая цепь огромная, очень тяжелая. Все это надо было таскать, а лед, доски, слякоть. А обувь была – резиновые сапоги.

Работали без выходных. Вот только если куда едешь, то в пути маленько полегче. А то даже еду варить некогда было. Когда была свободная минутка, одного отпускаем, и он на 3–4 дня варит, что есть.

В Рыбинске случай был. Мы большим караваном везли людей. И с нами вместе маленькая баржоночка была, на ней двое работали, обоим лет по 60. Они возили сено коням, дрова возили. Один раз мы стояли у самого причала, ждали, когда нас забуксируют. И вот летит немец, и попал прямо в эту баржоночку. Поплыло сено, и все, и конец, и не нашли ничего от них. Таких случаев очень много было.

Часто мы стояли у самого города Рыбинска на причале. Там большие госпитали были построены. И попадали немцы в эти госпитали. Там еще большие воронки были. Говорили, что люди, наши же, делали знаки, чтобы туда попасть немцу. Денег много давали им за это, и они рисковали. И часто ловили таких наши работники.

В 1942 году я уехала домой, сунулась учиться на патронажную сестру. Училась всю зиму, но не попала в армию на войну. Хотя и здоровая была видом, но не выжала какую-то такую штуку, забыла, как называется. Сил не хватило, малокровие признали.

Когда война кончилась, мы были в Москве, возили тес. Накануне в Химки вывозили, и как раз война кончилась – День Победы. А в Москве мосты – между мостами мы стояли как раз 9 мая в День Победы. До чего сразу светло сделалось: всё салюты, салюты кругом! Люди плачут, радуются, смеются, гармошка появилась откуда-то, пляшут. Чужие совсем люди целуются, обнимаются, радуются.

Домой мы приехали 29 ноября 1945 года.

Работала на фабрике, очень трудно было. Два года проработала и все – одни больницы да больничные. И я пошла на деревообрабатывающий комбинат. Потом меня взял начальник один на лыжную фабрику. Как-то у меня ста-

Когда война кончилась, мы были в Москве, возили тес. Накануне в Химки вывозили, и как раз война кончилась – День Победы. А в Москве мосты – между мостами мы стояли как раз 9 мая в День Победы. До чего сразу светло сделалось: всё салюты, салюты кругом! Люди плачут, радуются, смеются, гармошка появилась откуда-то, пляшут. Чужие совсем люди целуются, обнимаются, радуются.

ночек изломался. Всего немного доделать оставалось – 5-6 деталей. Я торопилась и изувечилась тогда, палец удалили.

После этого меня назначили в милицию: сначала дежурить, потом контролером работать во вневедомственной охране. Ночные смены мне очень подействовали на здоровье. Я долго лечилась и не вылечилась, пока не уехала в Москву.

В Москве я работала на Курском вокзале в справочном бюро. А дочь у меня работала в Орехово-Зуево прядильщицей. С работы ее послали отдыхать в Грузию, в Пицунду. Она там взяла и замуж вышла. Меня через год зять забрал. Я со своей кошкой, со всем багажом к ним уехала в Гагры. Вот там я и жила, все было хорошо. И тут пошли распри у грузин с абхазами, они часто дрались меж собой. До того доходило, что выезжало войско. Ввели комендантский час, были заставки разные, стало плохо.

Дочь вскоре уехала оттуда. Когда совсем плохо стало, я тоже уехала.

В 1995 году я пошла в дом престарелых, сначала была в Калуге, потом меня назначили сюда (дом-интернат в с. Радюкино). А потом Наташа стала писать («внучка по переписке», начала переписываться с Ниной Михаловной, увидев ее фотографию на сайте благотворительного фонда «Старость в радость»). Как получилось: она написала мне письмо, послала фотографию, а фотография не сказала, откуда. Я ей написала: «Откуда вы взяли фотографию?» Она ответила, что были девочки здесь («Старость в радость»), фотографировали, а на этой фотографии, говорит, я на ее бабушку похожа. Она как сразу написала мне письмо, я опять ответила. Потом она приехала сюда, познакомились. С детьми два раза приезжала, а два раза одна. Понравилась мне она – хорошая, очень хорошая женщина, замечательная. И все посылки-посылки-посылки, все время посылала. А сейчас я ослепла.

Яшина Мария Александровна

Я родилась 21 сентября 1929 года
в городе Ленинграде.

Мать стала вещи продавать все. Как сейчас помню: была перина, мать эту перину продала. Дали нам за нее чашку очисток картофельных. Мы их варили, из ремня холодец варила мать – из обыкновенного кожаного солдатского ремня.

Отец умер у меня давно, в 31 году еще, ну а мать работала. Когда война началась, мне двенадцатый год был, я в шестой класс перешла, училась. Война начиналась, помню, тяжело было с продуктами сначала. Потом начались обстрелы. Мы, детишки, лазили на крыши, фугаски гасили, сбрасывали с крыши и песком засыпали.

Когда началась блокада, тут уже питание плохое было, все уже дистрофиями ходили. Еды не было. Как кормили: мать была рабочая. У нее карточка – 250 грамм хлебушка на человека. А мне, как иждивенке, 125 грамм – вот 375 грамм хлеба. Мать разделит этот хлеб пополам: завтрак, обед, ужин, и еще кусочек – его тоже поделим напополам и вот по кусочку этому съедим.

Мать стала вещи продавать все. Как сейчас помню: была перина, мать эту перину продала. Дали нам за нее чашку очисток картофельных. Мы их варили, из ремня холодец варила мать – из обыкновенного кожаного солдатского ремня. Кусочками нарежет его, долго-долго-долго варит. Так все жили. Помню вот, у нас кошка была. Пропала эта кошка. Искала я, искала – где кошка пропала? А потом уж мама мне сказала, что сварила из кошки суп – съели мы ее. Я вот не почувствовала даже, не поняла, что это кошка была.

В 1943-м, когда мать и все родные померли, меня в детдом забрали. В детдоме тоже голодно было, но одевали нас там в ситцевые платишки, кормили. Вот, помню, на обеде давали нам суп из крапивы или из листьев свекольных. Две картошинки дадут, подливочку какую-нибудь и кусочек хлебушка на обеде. А на завтрак – кусочек хлеба, яйцо мелко-мелко нарубят, мясо через мясорубку прокрутят и на хлебушек посыпят и чай чуть-чуть сладенький. На ужин – что придется, помню, окрошку давали. Квас горький-горький был, мы никто не ели эту окрошку. Ну жили так. Наказание у нас было самое строгое – это хлебом. Если что-то плохое сделали, то лишали пайки хлеба.

Мы собрались, я помню, человек семь, бежать из детдома. Хлеб копили, собрались и ушли. Ехать надо было 15 километров до пристани. А там река Вятка протекала. До этой пристани 15 километров и там пароходом уже город Котельнич Кировской области. Вот мы до пристани добежали, а пока парохода ждали, нас окружила милиция. Мы спрятались по кустам. Нас всех выловили. Мне 13 лет было, всех забрали и обратно привезли. Наказали нас: постригли наголо, девчонок. Потом давали к Первому мая платья новые, а нам не дали. Никуда не выпускали – наказание такое было.

Потом я ушла в 43-м году в школу ФЗО (фабрично-заводского обучения), еще война шла. В школу ФЗО меня брать не хотели: я была маленькая, худенькая. Брали тех, кто в 1927 году родился, а я 1929 года была. Заведующий стал просить, чтобы мне прибавили два года. Дали мне справку, что я с 27-го года рождения. Медсестра нас привезла на комиссию, а там врач мне и свои-то года не дает, а не то что два года вперед. Ну я плакать стала. Дали мне справку, направили меня. Закончила я школу ФЗО в Котельниче, училась на слесаря-инструментальщика. Меня выпустили, но в Ленинград я не попала, а попала в Москву, на военный завод, но, конечно, я по своей специальности не работала. Где уж – на побегушках, к рабочим старым поставили. Работали по 13 часов.

Там были пленные немцы. Мы на обед идем, а они сидят на улице. Милиция их охраняет, немцы тоже разные были. Вот они сидят в кружок. И некоторые: «Немец капут, немец капут» – «Киндер, киндер, у меня дети маленькие». А есть,

особенно офицерье, злые такие – как собаки на нас смотрели, с такой злостью. А были всякие. Они подневольные. Некоторые действительно были фанаты, а некоторые призывались так же, как и наши, в армию, у них своя власть была, у нас своя. И хорошие были. Видать, что хорошие люди. Бывало, пойдем, хлебушка им бросим, подходить-то нам не разрешали. А издалека хлеба бросим, еще что-нибудь поесть. Они: «Гут, гут, гут, гитлер капут, немец капут». «Киндер, киндер, киндер» – показывает на меня. Маленькие дети. Тоже немцы разные были. С немцами я не жила, а вот так видела.

Потом я убежала с завода. Все в Ленинград пробиралась. У нас мастер хороший был, он мне тогда выхлопотал ордер на платье. Но платье дали мне 48-го размера, а я была пигалица. Я, конечно, это платье продала. Потом жена его спекла хлебушек, картошки немножко сварила, и я убежала. Доехала я до Бологого. А там еще немец был, и меня снова забрали в детприемник. Я не сказала, что с завода убежала – сказала, что с детского дома. С детприемника меня потом опять отправили в школу ФЗО в Ярославль, на прядильную фабрику. Там я школу ФЗО закончила.

Был 44-й год. Я уже в комсомол вступила, меня по комсомольской путевке направили в Рыбинск на военный завод, и там я уже победу встретила. А как узнала о победе – мы жили в общежитии. Видимо, старая церковь или башенка. И вот ночью слышим: шум, крик на улице, гармошка, песни – проснулись, не пойдем, в чем дело, не разберем. Высунулись в окошко, а там и поют, и танцуют. Мы выскочили все на улицу, а там кричат: «Победа! Победа! Победа!» Ну тут шум, крик – ликовали, конечно, эту победу, 9 мая.

А в июне, наверное, или в июле я опять сбежала. Поехала в Ленинград. Вот я на одной станции встретила эшелон эвакуированных, они возвращались в Ленинград. И я к начальнику эшелона пошла, стала проситься, чтоб меня тоже взяли. Там документы везде надо было, и пропуска – война кончилась, а все равно. Он меня сначала ни в какую брать не хотел, и вот мне пришлось и где-то на платформе ехать, где уголь возили, и где придется. На каждой остановке я выхожу тоже, где они выходили. И начальник мне: «Едешь?» – «Еду». И уже почти к Ленинграду подъезжали, помню, станция Дно была, он меня в вагон посадил, к эвакуированным. На запасной путь эшелон встал. Они уже давно ехали, у них и нары там были, и все. А я на лесенке, как курица, приткнулась и дремлю. Конечно, боятся. Едут-то семейные, боятся – кто его знает, какую девчонку посадили, может, бродяжка какая. Они мне говорят: «Что ты сидишь на лесенке?» И правда, вышли на поле. Там тепло было, спать легли, и я тоже вышла. Легла и сплю. Проснулась, а ни эшелона, никого нету. Уехали. А меня, значит, оставили, и пришлось мне ехать, как придется.

Ехала я и на подножках, и под скамейками. Потому что без билета, без документов – без всего. До самого Ленинграда я не доехала – нас милиция сняла. Нас семь ребятешек пробирались таких, вот собрали нас всех, в милицию привели. Милиционер стал расспрашивать: откуда, чего. Он хороший был, пожалел нас. Поезд пригородный, уже ходили тогда пригородные поезда. «Садитесь, – говорит, – на этот поезд, только не бегайте по вагонам и не говорите, что это я вас посадил». Ну ладно, я села в один вагон, сижу. Проводник идет, билеты проверяет, а у меня откуда – ни билетов, ни денег, ни документов – ничего нету. «Ну а ваш билет?» – «Нет, – говорю, – нету.» – «Ну что, заяц, куда едешь-то?» Я говорю:

И вот ночью слышим: шум, крик на улице, гармошка, песни – проснулись, не пойдем, в чем дело, не разберем. Высунулись в окошко, а там и поют, и танцуют. Мы выскочили все на улицу, а там кричат: «Победа! Победа! Победа!» Ну тут шум, крик – ликовали, конечно, эту победу, 9 мая.

Из поезда пригородного вышла, пришла, смотрю – трамвай стоит, двенадцатый номер. Стою, а у меня прям слезы потекли: мой номер-то, через Невский проходит. Ну, я села в трамвай.

«В Ленинград». Сел, стал расспрашивать, я ему так рассказала все. Он меня покормил, дал хлеба с салом, попить дал.

Из поезда пригородного вышла, пришла, смотрю – трамвай стоит, двенадцатый номер. Стою, а у меня прям слезы потекли: мой номер-то, через Невский проходит. Ну, я села в трамвай. В тамбуре на площадке стою, уткнулась в стекло, кондукторша вредная такая подошла: «Берите билеты, берите билеты». А я отвернулась от нее. У меня слезы градом: и оттого, что она меня теребит – «Билет бери» – а у меня нету ничего, и оттого, что я попала в Ленинград – я не верю этому. Сердце сжалось, слезы градом текут по щекам, а она знай «бери билет» и все. Помню, как мужчина какой-то: «Да отвяжись ты от ребенка! Что вы к ней пристали?» Отдал ей билет за меня – деньги, значит.

У меня еще тетка живая была, отцова сестра, ну, я к ним приехала. Она заплакала со мной, я ей рассказывала все. Отдохнула день-два. Мне повторно метрики мои выдали.

Потом я устроилась в школу ФЗО в Ленинграде, на хлебозавод, там год училась, нас выпустили на хлебозавод работать под Ленинградом. В 1949 году я замуж вышла. Ну, прожили 52 года. Пятерых детей родила – вырастила. Моя старшая дочь, самая первая, она умерла молодая – 27 лет ей было – а сейчас все – два сына померли. И муж помер, и сюда (в дом-интернат) перебралась, здесь уже девятый год живу. Внуки есть и две правнучки. Внуки приходят, навещают, дочь в Шубино живет, часто ко мне ездила, а теперь у нее инсульт, теперь я к ней ездию – не может она. И живу сама вот здесь вот, с 2002 года в доме престарелых живу. Живу одна, комнату себе обиходила, привела в порядок – хотелось, чтоб как своя.

Лобанова Мария Андреевна

Родилась 27 апреля 1935 года в Малом Сидорове,
Тонкинский район Нижегородской области

Тятя наш колодцы копал. За шесть пудов картошки мог колодец выкопать. У него была язва желудка – соды поест, да опять в колодец. У тяти четверо нас было – я, сестра Нюра и братья Демид и Николай. Училась я пять годов, а три класса кончила. А все потому, что одеть-то в школу нечего было. Босиком в школу ходили, и по снегу босиком бегали. И шапок не было – так уж, что по-падет.

Мама телятницей работала, а потом уж и я начала за телятами смотреть. Она нас с Демидом отправит, ему десять лет, а мне пять. Вот такие пастухи были. Придем и уснем, а телята уйдут. Мама нас найти не может, ходит и ревет: «Господи, хоть бы этих найти, а уж телята-то найдутся!» А еще жужжали телятам, чтоб они бежали. Мы телятам скорость включаем: «Ж-ж-ж!» Они хвосты задерут, да и гонят в деревню-то! Думают – это слепни.

Войну я не помню – маленькая была. Тятя был на войне, вернулся, слава Богу. Рассказывал, что кто провинится – идет вокруг казармы гусиным шагом. Ходишь, говорит, кричишь, до того намучаешься, что заревешь, а ты иди и кричи: «Андрейка-дурак заревел! Андрейка-дурак заревел!» А казарма не мала...

Мы дуранду (жмыхи) получали на телят и покупали дуранду. Иногда картошку собирали, грибы. Еще картофель сушили да толкли. Картошка на полях останется осенью, натолкаем с клеверными шишками – вкусные колобочки получались. Я все ем да хвалю: «Ой, какие вкусные! А гляди, мам: Демидка не хвалит колобки, а я хорошая!» Да наелась – меня таки вздуло! В желудке как стекло было. Я хожу реву, а мама – пуще моего. Вот как жили.

Жизнь была – мучение... Ничего не давали, в колхозе-то. Была у меня трудовая – 100 грамм на трудодень. А заработаешь в месяц килограмм 15, а то еще и за год 15 дадут.

Картошки нам, дояркам, возили в тамбурах – телят кормить. А мороз – она вся свернется льдом. Я ее в кадку натаascaю, кипятком заливаю и ковыряю. Достоешь ее из кадки-то, пока вода горячая. Вот култяпки какие стали. Палец загнулся – и никак его не выпрямишь.

После работы вечорки были, там ребяташки нам делали лавочки. Я на вечорки не ходила – стеснялась. У меня были бурки сшиты на сгибе, а это место порвалось. Я ушила, но осталась белая полоска. Приду, а ноги под лавку прячу. В уцененке купишь за три рубля платьишко и ходишь в нем. Ну, никто не выгнал нас – в чем придем, в том и погуляем.

Сестра моя жила в Малькове, парень у ней в подпасах был. Познакомилась с ним в гостях. Я сначала и внимания не обращала на него. А потом он свозкал нас – раньше-то свозки были, когда молодежь собиралась, гуляла. На неделю своз. Я иду на работу – и он там же, я с работы – и он. А потом мама говорит: «Виталий, иди домой-то, чего привязался? Матка ждет, чай?» А он: «А я от Маруськи не пойду!» – «А как же?» – «А вот не пойду, да и все!» И вот мама билась-билась с ним, да и покатила с нами: «Пойдем, – говорит, – я тебя провожу». А бабушка Оля, его мать, начала зануду. А мама ей говорит: «Слушай, я уж прямо тебе скажу, свахонька, давайте не ссориться! Нашли друг друга, и пускай живут!» До четырех утра гуляли. И вот семнадцать лет Бог дал житья нам с ним. У меня с ним четверо малышей было. Помаленьку дети и выросли. Теперь дочки замужем. У одной шестеро детей, у другой пять, у младшей Валюшки четыре. Так и живем, день по дню.

Тятя был на войне, вернулся, слава Богу. Рассказывал, что кто провинится – идет вокруг казармы гусиным шагом. Ходишь, говорит, кричишь, до того намучаешься, что заревешь.

Сироткина Татьяна Семеновна

Родилась я в 1918 году, 14 января,
в деревне Монастырщина.

Маму я не знаю, я маленькой была, когда она умерла. Отец был, два брата. В школу я мало ходила – пять годов, а потом с братьями сидела, в школу не пускали.

Девятнадцать было мне, задумали мы, три девочки, поехать на завод, ну и приехали сюда. На заводе сказали: «Будете работать на складах». Устроились на склад. Зерно из вагонов выгружали – вот работа наша была. И утром и вечером вагоны приходят, а мы разгружаем. Не женское это дело, да рабочих не хватало. Утром к восьми часам на работу – разгружать вагон. После обеда глянешь – еще пришли вагоны. Один мы занимаем, другой – мужики. Они там подрабатывали за спирт. Работа тяжелая была. Мешок дали мне тяжелый, я под ним и упала прямо носом. Как упала – до сих пор все болит.

Когда началась война, я уже замужем была, жила у свекрови. Я семье мужа понравилась по работе, они меня и взяли к себе. Муж хороший был, водку не пил. Свекор тоже не пил. И свекровь хорошая была. Одевали меня – я как игрушка ходила. В 41-м году я родила мальчика. Муж не вернулся с фронта, и деверь не вернулся – погибли. От свекрови перешла я жить к одним, там старик был старый, ему было под сто годов, у него тоже сына убили. Он сидел с мальчиком моим, а я работала. Плохо я жила.

А потом со вторым мужем сошлась, он работал на паровозе машинистом. У него четверо детей, мой – пятый, а есть нечего. Война по нам прошла. На заводе зерно воровали всякое – что украдешь, то и поешь. Пайков не было, в войну ничего не давали, может, раз или два только. Бывало, есть помидор с солью, а больше ничего. Сама недоешь, а детям кусок получше пихаешь. Они тоже несчастные, без матери. Нинка сорокового года, Шурка постарше, потом Машка, потом старшая – Ленка. Всех вырастила, все ушли работать. После войны, конечно, легче стало, сын мой уже большой был – годков пять.

Мальчик мой умер потом – спился. Внуков у меня нет, никого нет. Вот у мужа моего дочери – у них дети есть. Одна на Севере, другая в Ленинграде, да я же к ним туда не поеду. Зачем я им нужна, чужой человек. Друзей, подруг – никого не осталось, все померли. Одна я живу здоровая, а уже 94 года. Никто постольку не живет, сто лет уже скоро.

**Одна я живу здоровая,
а уже 94 года.
Никто постольку не
живет, сто лет уже
скоро. Наверное, из-за
доброты моей: никогда
никого не обижала,
все жалела.**

Как можно помочь бабушкам и дедушкам, живущим в домах престарелых и больницах?

Присоединяйтесь к нам в поездках –
в домах престарелых Вас встретят как родных.
В поездках в Тверскую, Тульскую и Калужскую области
всегда очень нужны люди, готовые отвезти волонтеров
и материальную помощь в дома престарелых.

Скрасьте пожилому человеку его одиночество,
став «внуком по переписке»:
зайдите на сайт **starikam.ru**.

В домах престарелых всегда очень нужны памперсы,
постельное белье, кровати и матрасы, инвалидные коляски.
Также Вы можете купить для бабушек и дедушек
мягкие сладости (пастилу, мармелад) ли небольшие подарки
(шерстяные носки, шали, теплые платки, халаты, тапочки, коврики).

Мы ждем Вас в летнем лагере.
Там Вы сможете сделать палаты,
в которых живут наши подопечные,
более уютными и порадовать
бабушек и дедушек общением.

Вопросы о поездках и летних лагерях
и передаче подарков Вы можете задать

Лизе Олескиной:
+7(903)5072117;
oliska-88@rambler.ru
и Насте Ефимовой:
anasstassija@rambler.ru.

На вопросы о переписке ответит
Марина Кочевалова:
komarina@mail.ru.

Ждем Вас на нашем сайте:

starikam.ru

Спасибо нашим друзьям,
которые помогли в работе над этой книгой:
Анастасии Жоховой, Петру Миронову.

в(е вме(те!

